

Ольга Фикс

Улыбка
химеры

Время – юность!

Ольга Фикс

Улыбка химеры

«WebKniga»

2018

Фикс О. В.

Улыбка химеры / О. В. Фикс — «WebKniga», 2018 — (Время – юность!)

ISBN 978-5-9691-1766-2

Действие романа Ольги Фикс разворачивается в стране победившего коммунизма. Повсеместно искоренены голод, холод и нищета. Забыты войны, теракты и революции. Все люди получили равные права и мирно трудятся на благо общества. Дети воспитываются в интернатах. Герои книги – ученики старших классов. Ребятам претит постоянная жизнь за забором и под присмотром. При всяком удобном случае они сбегают за ограду в поисках приключений. Что за странные сооружения, огороженные колючей проволокой, выросли вдали за холмами? Зачем там охрана и вышка с таинственными, качающимися из стороны в сторону «усами»? Что за таинственная болезнь приковывает их друзей на долгие месяцы к больничной койке? В поисках ответов на свои вопросы герои вступают в неравную борьбу с системой, отстаивая право каждого быть самим собой.

ISBN 978-5-9691-1766-2

© Фикс О. В., 2018

© WebKniga, 2018

Ольга Фикс

Улыбка химеры

© Фикс О. В., 2018

© «Время», 2018

* * *

Огромные окна распахнуты настежь. Со всех сторон в класс врываются запахи весны – клейких листьев, прелой травы, пережившей под снегом зиму, медвяный аромат первых огоньков мать-и-мачехи...

Сергей наломал вербы у ручья и сейчас щекочет пушистым барашком Леркину шею. Девушка дергает плечами, втягивает голову в воротник, сжимает губы, силясь не рассмеяться. Наконец не выдерживает и фыркает громко, на весь класс, как лошадь.

– Соломина, Снегирев! Что вы там нашли смешного? И это вместо того, чтобы всерьез задуматься о своем будущем! Последний раз повторяю: анкеты должны быть сданы до конца урока! Ребята! Ну вы как маленькие, ей-богу! У вас и так всего сорок пять минут! Вот понапишете сейчас чепухи, потом всю жизнь придется расхлебывать!

Лоб Евдокии Геннадьевны прорезает смешная треугольная морщинка. Вот-вот заплачет, закроет лицо руками и выбежит вон из класса. Такое, кстати, уже бывало.

– Да ланно, Евдокия Геннадьевна! – немедленно сочувственно откликается класс.

– Не надо за нас так волноваться!

– Вы что ж думаете, мы не понимаем?

– Небось не идиоты какие-нибудь!

Постепенно общими усилиями складка на лбу разглаживается. Евдокия Геннадьевна улыбается, поправляет на переносице очки. Она будто не учительница их, а сестренка. Причем даже не факт, что старшая. Худенькая, невысокая, явно ниже большинства из них, и к тому же страшно сутулится – сказывается вторичный сколиоз. Говорят, от него так и нельзя избавиться до конца.

– Евдокия Геннадьевна, но потом ведь можно будет исправить?

– Что-то можно. Что-то нельзя. Лучше сразу написать как следует. И не стесняйтесь! Помните: вам дан уникальный шанс самим выбрать себе судьбу. Общество не хочет стричь всех под одну гребенку. Общество понимает, что вы уже взрослые шестнадцатилетние люди. У вас вполне могут быть свои желания, предпочтения. Кто-то хочет математику учить, кто-то физику. Кто-то хочет врачом стать, кто-то учителем. Кто-то шахтером, кто-то класть кирпичи на стройке, а еще кто-то родить много детей и воспитать их достойными членами общества. Карасиков, я сейчас сказала что-то смешное? Знаешь что, выйди за дверь и посмейся там. Придешь, когда успокоишься. И вот, ребята, наше общество по мере возможности старается пойти навстречу желаниям каждого... Горенков и Нехлюдов, вы чем там заняты?

Горенков и Нехлюдов на задней парте режутся в морской бой. Момент острый – Нехлюдов уже потопил два Горенковских трехпалубника и подбирается к четырехпалубному. Планшеты у обоих раскалены.

– Заполняйте анкету внимательно, вдумчиво. Впишите все свои желания в соответствующие графы. Помните, кто не заполнит анкету и не отправит ее до конца урока, тот пусть пеняет на себя. Администрация школы сама решит, что с ним делать. Не сетуйте потом, если вам ее решение не понравится.

– А можно вопрос? – вскинулась над партией длинная рука. Ерофееву, как всегда, больше всех надо. – Евдокия Геннадьевна, скажите честно, зачем весь этот балаган? Все равно ведь

все решает администрация. Все равно ведь нам пять лет еще торчать в интернате. Почему, раз уж мы все взрослые да к тому же все из себя уникально ценные, не дать нам не свалить отсюда и жить дальше по своему усмотрению?

С задней парты кто-то громко присвистнул. Учительница болезненно поморщилась.

– Саша, ну зачем ты так? Как будто вы тут в тюрьме. Для вас же все делается! Пожалуйста! Выходи за ограду, ставь свою палатку где хочешь! У тебя же есть своя палатка, я правильно помню? Ты ее выиграл в прошлом году на соревновании по ориентированию. Счастливый! У многих ведь и палатки нет. Но, насколько я помню, планы у тебя были другие. Скажи мне, ты так и не определился? Физика или математика?

Ерофеев слегка смутился:

– Нет, я еще не окончательно решил, но...

– Вот видишь! – перебила его учительница. – Ты даже один простой вопрос до сих пор не можешь решить! А представь, сколько их у тебя будет, окажись ты вне школы? Что есть, что надеть на себя, как согреться, когда зима придет? Поверь мне, тебе станет не до физики. Можно подумать, ты первый.

– А зачем ему думать?

– Можно ведь у других отобрать!

– Взять в пункте помощи неопределившимся!

– Самому вырастить и соткать!

– Приучить себя обходиться малым!

– Точно! Минимум миниморум! И никакой физики!

– Тихо! – Учительница властно взмахнула рукой. – С чего это вы так разошлись? Представляю себе, что будет, если вы все в одночасье вырветесь отсюда на волю. Вы ж, как стадо молодых слонов, все вокруг перетопчете.

Они засмеялись, соглашаясь: а что, мы можем!

– Поймите, ребята, общество хочет сделать для вас как лучше. Сейчас у вас такой возраст, когда важнее всего сосредоточиться на учебе, приобретении профессиональных навыков. Поверьте мне, нельзя хорошо учиться, думая одновременно о куске хлеба. Вам надо радоваться, что общество еще на какое-то время берет эти заботы на себя. Раньше только дети очень обеспеченных родителей могли себе такое позволить. Большинству молодых людей приходилось самим пробиваться в жизни. В итоге общество лишалось многих талантов, которым просто не удавалось развиваться. Разумеется, всегда есть исключения. Любой, кому не терпится поскорей выйти в самостоятельное плавание, может написать о своем желании в анкете. Пожалуйста! Разумеется, приведя объективные обоснования. Общество всегда идет навстречу человеку с особыми талантами или потребностями. Ты, Саша Ерофеев, к какой из этих групп себя причисляешь?

– К последней. У меня, Евдокия Геннадьевна, особая потребность – раз в жизни заснуть в комнате, где никто, кроме меня, не храпит.

– Только-то? Не понимаю, из-за чего сыр-бор. Просто укажи в соответствующей графе – хочу отдельную комнату. Я уверена, администрация школы найдет способ тебе помочь.

– Да ну? А я слышал, на такие комнаты уже очередь в километр из тех, кто хочет в маму-папу поиграть.

– Сань, а ты поори погромче, повозмущайся – глядишь, тебе каморку под лестницей выделят.

– Во-во, как Гарри Поттеру!

– Да что за детский сад?! – Учительница, наконец, всерьез возмутилась. – Ребята, я вас не узнаю! А может, вы просто боитесь принимать решения? Да ладно уж, выдохните. Расслабьтесь. Открою вам маленький секрет: ваши анкеты сперва попадут ко мне. Я их все просмотрю, прежде чем отправить. И если увижу, что кто-то написал совсем самоубийственную

чушь, вызову его к себе, и мы вместе подумаем, как это можно исправить. Всё, сосредоточьтесь и не тяните время за хвост! До конца урока осталось...

* * *

Стоя на декоративном мостике Лерка и Сергей наблюдали, как сторожиха специальной палкой с крючком подтягивает к берегу очередную мертвую золотую рыбку. Даже не рыбку, а рыбищу – килограмма на три, не меньше.

Конечно, пруд-то большой, так чего им в нем не расти!

Золотистые чешуйки сверкают на закатном солнце. Белое раздутое брюхо устремлено к небу.

– Такой пруд большой! И с подогревом, и с воздухом. Жить бы да жить! А они почему-тодохнут.

– Может, это она от старости?

– Да ну, какая старость, ты что? Вон у нее чешуя-то – огнем горит! У старых чешуйки блеклые, тусклые. Наверняка опять из мелких кто-то гадости какой-то в пруд нашвырял. И чего им неймется! Игрушек других нет, что ли? Смотри, вон еще одна кверху брюхом плывет...

– Точно, траванулись. Все, Сереж, пошли! Не могу на это смотреть. Убить кого-нибудь хочется!

– Смотри, смотри, палочки плывут! Это они чупа-чупсов им своих накидали.

– Что ж за ними воспиталки не смотрят?

– Ну, воспиталка одна, а их много. Каждого за ручку водить не будешь. Они ж шустрые, как эти! Не помнишь, какими мы в их возрасте были? Дуська орет, надрывается: «Ребятки, ребятки! Строем, строим!» А мы кто по дрова, а кто в лес. А то и вообще за ограду. Ну, помнишь?

Леркино лицо светлеет. Она даже почти улыбается.

Ей вспоминается, как когда-то, в пятом, кажется, классе, они с Сережкой в первый раз ушли вдвоем за ограду. В сентябре. Сразу после каникул. После каникул всегда сперва так: ветер в голове гуляет, летняя вольница из крови не поыветрилась, вот все и блажат кто во что горазд.

Резать проволоку Сергей тогда еще не умел, да и инструментов у него таких в ту пору не было. Он просто разогнул клещами несколько стратегических колец, понажимал, потянул – образовался узкий лаз. Узенький, конечно, но ведь и они тогда щуплые были. По-пластунски подлезли, встали, коленки отряхнули – и вперед!

Долго шли. Тропинка казалась бесконечной, она то скрывалась в лесу, то выныривала на луг или в поле. Небо над головой было ясное-ясное. В овраге они наткнулись на лещину и до отвала набили животы зелеными лесными орехами. И карманы наполнили, Сергей еще и за пазуху себе насыпал.

Полкласса потом неделю животами маялось.

– Да, время было! И, главное, времени этого на все хватало: и на уроки, и на фигню любую, какую захочешь. Чего мы только не вытворяли! Но вот чтобы рыбу травили – не помню. Честно.

– Да ладно, Лерк, они ж тоже не нарочно. Они ж, небось, как лучше хотели. Оторвали, можно сказать, чупа-чупсы эти от сердца.

– Хотели как лучше, а получилось как всегда. Главное, мне знаешь чего обидно? Что им ведь и не объяснят ничего. Даже не расскажут. Чтоб лишний раз не расстраивать. Просто напустят в пруд свежих рыб. И опять по новой... Ой, Серый, гляди, вон, кажется, еще всплыла! Все, не могу, пошли быстрее отсюда!

– Точно, погнали. Гляди, вон туча какая!

Они понеслись к стеклянной, расцвеченной огнями, похожей на радужный мыльный пузырь столовой. Оттуда донеслись смех и музыка. День кончился, впереди два часа личного времени. Из колонок загрохотала веселая песенка про дождик, который «окна вымоет и смоем все следы!».

– Дождик, дождик, пуще! – подхватила Лерка веселую, заразительную мелодию. Худые, нескладные ноги затанцевали сами собой. Улыбка вернулась на широкоскулое, веснушчатое лицо, обнажив крупные, неровные зубы.

«Кобылка моя». Сергей смотрел на нее и не дышал. Не было у него и быть не могло слов ласковей и нежней. Лошадей Сергей обожал. Лошадь в его глазах – образец совершенства. Недаром же он лучше всех в классе ездил верхом.

Дождь и в самом деле начал накрапывать. Тяжеловесные капли падали одна за другой. На нос, на светлые плитки под ногами, на протянутую ладонь. Сперва по одной, по две. Не то правда дождь, не то только кажется. Но вот уже настоящий ливень обрушился им на головы, заколотил по рюкзакам, по плечам. Сильный, ледяной, освежающий. На стремительно растекающихся вокруг лужах вспухают и лопаются пузыри.

Хорошо, им недалеко. Сергей на бегу скидывает и держит над Леркиной головой пиджак.

Ворвавшись в вестибюль, оба встряхиваются всем телом, как собаки после купания. Рыжие кольца Серегиных кудрей потемнели от воды, из золотых стали медными. Мокрое насквозь Леркино платье прилипло к животу и груди.

– Уф! Надо же как вдруг полило!

– Ничего, скоро уже кончится. Смотри, в лужах какие пузыри!

– Да, с пузырями это ненадолго.

Сережке кажется, он так раскалился, что от него наверняка должен идти пар. И дикий, звериный запах пота. В последнее время никакой дезодорант не спасает. Наверняка Лерка слышит, как колотится его сердце.

– Слушай, я так и не спросил. Что ты написала в анкете?

– Косметика или швейное дело. По-любому в жизни пригодится.

– А кулинария что, по боку? Ты ж хорошо готовишь!

– Да ну еще! Там и химия, и физиология! Готовить я и без них смогу.

– А... про личное?

– Написала, что планирую ребенка на следующий год.

У Сергея внезапно пересыхает в горле.

– Вот прямо так? А не рано?

– Да ну еще! Сколько с этим можно тянуть? Ерофеев прав. Потом, как до дела дойдет, комнат вправду на всех не окажется.

– Н-да, тоже верно. А... будущим отцом ты кого вписала?

Лерка хитро улыбается во весь рот, во все свои тридцать два неровно торчащих зуба:

– А никого. Оставила пока что пробел.

* * *

Они сидели на полу и вдыхали в себя запах свежей краски. Вдыхали с завистью. И то, что слезились глаза и закладывало нос, зависть эту только усиливало.

– Нет, ну вот как нормальный человек может так подсуетиться? Раз – и отдельное жилье! И на завод больше не таскаться со всеми.

– Нормальный и не может. Только Ерофеич на такое способен.

– Да подсуетиться – это ладно, ты лучше скажи, как тебе в голову такое пришло?!

– И правда, это ж еще придумать надо!

– Да уж, среднему уму недоступно!

– Ерофеев, колись, кто тебе это подсказал?

Ерофеев улыбался и отмалчивался. Хмурил тонкие брови, хитро шурил близорукие круглые глаза. Не говорить же, что сами они и подсказали. Тогда, на воспитательном часе, во время заполнения анкет. Ну, про каморку под лестницей.

Он тогда сразу подумал – консьерж! Напроситься на общественный труд комендантом в Дом творчества, то есть убираться и следить за порядком в огромном здании, где были актовый зал, библиотека, мини-зоопарк, бассейн, тренажерка, учебные мастерские, лаборатории, студии, музкабинеты и черт знает чего еще. Откуда по традиции не выгоняли никого допоздна. Где всегда горел свет, было шумно, натоптано, накурено, разноголосая музыка со всех этажей, клубы дыма из туалетов. Хотя курить в школе, конечно, нельзя. Даже простой табак, не говоря уж о чем-то еще.

Где было сердце школы.

Он сам не помнил, как попал сюда в первый раз. Наверное, кто-то заставил его прийти. В первое время его все приходилось заставлять – даже есть и спать. Потому что он поклялся, что не смирится, не будет делать вид, что все в порядке, все нормально и так и надо. Потому что ничего не было в порядке. Они не имели никакого права забирать его у мамы. Он им еще покажет, они узнают... Возьмет и умрет им назло!

Его кормили насильно. Впихивали ему ложку в рот. Он все изрыгал из себя – до последней капли, до слез, до желчи, до кровавой пены на губах. Сутками не спал, сидел, завернувшись в одеяло, на кровати, а засыпая, ссался, как маленький. Отказывался ходить на уроки. Отказывался переодеваться и мыться. Отказывался говорить.

Его уже собирались отправлять в спецучреждение. Никому он ничего не доказал, всем на него было пофиг. Одна только Дуся не сдавалась. Просиживала с ним в изоляторе, куда его заперли в конце концов, все свободное время. Гладила по голове, пела ему, что-то нашептывала, приговаривала. Мыла его – такого большого – в ванне, переодевала. Он пытался сопротивляться, но она в ту пору была сильнее. Приносила всякие вкусности, которые неизвестно откуда брала – не то за оградой покупала, не то сама пекла на крохотной плитке в своей гостинке. Тормошила его, все время с ним разговаривала. Хоть он и не отвечал ничего.

Конечно, что ей еще-то делать? Семьи ведь у нее нет.

И вообще, Дуся она такая, у нее принцип. Ей выдали их двадцать пять, и теперь они все ее. До конца, до самого выпуска.

Наверное, Дуся и привела его сюда в первый раз. Затащила в мастерскую технической игрушки. Усадила перед ящиком со всякими детальками. Он стал их перебирать и даже не заметил, как руки сами вытащили оттуда чего-то, стали к чему-то прилаживать, привинчивать, собирать. Сама собой вышла какая-то хренька. Он подтолкнул ее пальцем, и хренька весело покатила вперед по столу.

– Ай молодца! – воскликнул впервые обративший на него внимание руководитель кружка дядя Паша. – Как тебя зовут, мальчик?

– Саша, – ответил он и заметил, что Дуся при звуке его голоса вздрогнула.

Хренька доехала до конца стола, свалилась и распалась на составные части. Он сморщился и заревел.

– Не плачь, – сказал ему дядя Паша. – Станешь ходить к нам и построишь когда-нибудь настоящую машину.

«Ага, – подумал он про себя, – и уеду на ней отсюда к едрене фене».

Кажется, прямо на другой день ему впервые дали письмо от мамы. Наверняка, нарочно, чтоб закрепить успех.

Письмо было месячной давности. Мама писала, что все с ней хорошо и Дом инвалидов оказался не такой страшный. Чтобы Саня вел себя хорошо, не плакал и не очень всех доставал. Что когда-нибудь они все равно будут вместе.

До этого «когда-нибудь» надо было еще дожить! Но ничего. Он выдохнул и начал стараться.

* * *

Сергей вышел из мастерской, на ходу вытирая руки замасленной тряпкой, и присел на бревно чуть передохнуть. Рыжие вихры потемнели и слиплись надо лбом от пота, но на затылке коротко стриженные колечки вспыхнули на закатном солнце червонным золотом. Жаль, сам Сергей не мог видеть себя со спины. Любимая шутка в классе: «Серый, стой! – Да какой он Серый, когда он рыжий!» «Не рыжий, а золотой», – обязательно поправляла Лерка, если оказывалась рядом и была в настроении.

Впереди до самого горизонта раскинулось огромное поле. Зрелые колосья гнулись под тяжестью и натужно шелестели на ветру. Ложились волна за волной, а после медленно, с трудом поднимались. Желтое бескрайнее море. «Когда волнуется желтеющая нива...»

Сережка помнил, как перед первой сельскохозяйственной практикой Дуся долго втюхивала наивным мелким десятилеткам, как же им повезло.

– Вы увидите, как растет хлеб, узнаете, откуда на стол попадает молоко! Общество специально расположило школы в сельских районах, подальше от городов. Общество хочет, чтобы все дети, без исключения, росли на свежем воздухе, на парном молоке, чтоб вдоволь набегались босиком по полю.

Про босиком – это она, конечно, приукрасила. Как и про вольный бег. Поди побегай по этому полю, когда влажные комья вспаханной земли сразу забиваются в сандалии, а колосья впиваются в кожу колючей остью не хуже кактусов. Да и не до бега им было. В первую практику их поставили на прополку, и спины у них к концу рабочего дня едва разгибались. Хоть и трудились они только до обеда, не больше четырех часов в день.

– По-настоящему экологически чистые продукты невозможно вырастить без реального человеческого участия, не вложив в каждый колосок, в каждую капельку молока частичку души, – втолковывала им Дуся.

Дуся честно гнула наравне с ними свою бедную больную спину, без конца снимая и протирая очки, которые нещадно заливал пот.

Когда они стали старше, настолько, что им уже можно было объяснить про пирамиду Маслоу, Дуся с жаром колотила в классе указкой по основанию пирамиды:

– Без удовлетворения базовых потребностей все остальное делается неважным и невозможным! Без еды и воды человек попросту умрет! Вы должны гордиться тем, что, несмотря на юный возраст, вносите вклад!

Им таки было чем гордиться. На закрепленных за школой сельхозугодьях все делалось руками учеников. Каждому находилось дело по силам и возрасту. Не так много, не так часто. Чтобы это, упаси бог, не мешало учебе. Слава богу, учеников в школе много. Один начнет, а другой закончит. Да и школа в государстве не одна.

Однако все строилось на этом. Везде, где надо, вкладывались именно их частички души.

По идее, Сергей должен был все это со временем возненавидеть. Но ему, наоборот, классно было сознавать, что они без дураков делают нужное, стоящее дело. Что без них и хлеб не вырастет, и картошка останется невыкопанной, в земле. Коровы будут сутками мычать недоевшие, поросята пищать некормленные, а у людей в городах и весях не будет ни мяса, ни молока.

Когда в конце рабочего дня Сергей, теперь уже квалифицированный механизатор – а чего, если он в двенадцать лет впервые на трактор сел? – вот так сидел и смотрел на поле, он чувствовал себя здесь хозяином. Это было его поле, каждый колосок был ему здесь знаком. И пусть другие, если хотят, думают по-своему. Ему не жалко, пусть они обманывают себя. Как это может быть чье-то еще, если этот кто-то никак здесь ни во что не вложился?

Может, и правда не уезжать никуда? Поступить на заочку в агрономический, выстроить дом прямо на краю поля и сидеть по вечерам на крылечке, всматриваясь в бескрайнюю даль. Интересно, что скажет на это Лерка? Ей-то ведь явно хочется в город. Где театры, проспекты, косметические салоны и магазины...

Впрочем, до окончательного решения у них еще впереди пять лет! Может, он еще и сам передумает.

Сережка на всю жизнь запомнил, как Дуся вывела их, десятилетних, на поле и он впервые увидел горизонт. Его будто вытряхнули наружу из тесной коробки! В городе ведь все кругом заставлено домами. А тут вдруг со всех сторон оказалось сплошное небо. Он слово бы парил в воздухе, крохотная точка в бескрайнем мире. Небо кончалось где-то далеко-далеко, за полем.

– А можно туда? – спросил он у Дуси. – Я хочу посмотреть, где оно кончается.

– Конечно! – сказала Дуся. – Потом, со временем. А пока... Мы ведь пришли работать.

* * *

– Так что ты выбрала в результате?

– Сама не знаю. Честно! Писала, что в голову взбредет. Литература, философия, два иностранных языка, история мировых религий. Случайный набор какой-то.

– С языками, кстати, совсем не глупо. Языки всегда пригодятся. С языками можно за границу за общественный счет кататься. А историю религий зачем?

– Просто. Хочу понять, как это устроено.

– А в личном что написала?

– Извини, Лерка, но личное – это личное. Как дойдет до дела, узнаешь.

– У ти бозе мой, секреты у нас! Можно подумать, кто-то не в курсах, что ты по Ерофееву который год сохнешь. Зря что ль он ведра за тобой на картошке таскал? А что, он прикольный. Не то что мой Серый – валенок валенком. Только и радости, что свой.

– Да ну, глупости! С Сашкой мы просто друзья. Да и зачем ему? Он и без меня прекрасно устроился.

– Ну, баба под боком еще никому из них не мешала.

– Да нет, Лер, Сашка – он совсем по другому делу.

– Да ну? А на что поспорим? Так просто не бывает! Разве что... если... короче, это уж совсем не про Ерофеева.

– В смысле как «поспорим»? Ты что, пойдешь проверять?

– А хотя бы. Ну раз у тебя у самой кишка тонка.

– Да ну, при чем тут... Проверяй сколько влезет. Что только Серый скажет?

– А его не касается! Что я за него, замуж, что ли, вышла? Хорошо, если не Ерофеев, то кто?

– Девчонки, хватит болтать! И так химия в голову не лезет, а тут еще вы над ухом стрекочете. Я из-за вас завтра провалюсь!

– Ты что, Анечка?! Ты не можешь провалиться! Мир тогда перевернется! Останется без гениального врача!

– Ладно, Маш, валим отсюда. На воле договорим.

– Смотри, Машка, досмеешься! Чем болтать, сама б свое почитала. Лерке что, у нее все схвачено. Для нее учебный год уже окончился. А у тебя как бы с обществоведением сюрпризов не вышло. Ляпнешь что-нибудь не то, а там же не только Максим, там комиссия. И плакали твои языки с религиями.

– Ань, ну что я могу поделывать? Я жаворонок. Вечером голова бастует. Ни на чем сосредоточиться не могу. Встану завтра часиков в шесть и спокойно все повторю. Экзамен же в

десять только! До десяти сто раз успею взад-вперед учебник прочесть. Уложится. Слава богу, не химия.

- Ну смотри! Тогда хоть возвращайся не поздно!
- Слушаю-с, маменька. – Машка делает шуточный книксен.
- Не волнуйся, Ань! Я ей не дам загуляться. Если что, палкой домой загоню.

* * *

Она проснулась как обычно, без десяти шесть. Пять минут полежала в постели, потягиваясь и щурясь, счастливая уже тем, что не надо немедленно вскакивать и куда-то сразу бежать. Первый экзамен в десять. Времени еще бездна.

Вокруг, как всегда в подобную рань, царил тишь. Девчонки спали с обеих сторон от нее, сладко посапывая. Лерка, как водится, во сне бесстыдно откинула одеяло и теперь раскинулась на кровати во всей красе. Сколько раз говорили, чтоб надевала на ночь трусы! Но ей же хоть кол на голове теши. Не факт, что она и днем-то их носит.

Аня как раскрыла с вечера свою химию, так и заснула, уткнувшись в нее носом. Из-под одеяла торчат худенькие, острые лопатки и мальчишеский стриженный затылок.

Из угла, где должны спать Алена и Злата, не слышно ни звука. Небось опять зависли у своих бойфрендов. Достанется им, если узнают! А может, уже и нет. Может, все и так всё уже давно знают. А что? Мы ведь взрослые. Нам всем по шестнадцать лет. И мы же не виноваты, что учебный год все никак не окончится.

* * *

Она нагнала его на выходе из учебного корпуса. Все уже ушли, а он, как всегда, задержался, проверяя последние тетради. Максим никогда не затягивал с проверкой, и никогда не брал тетради домой, и из-за этого часто задерживался. На это у Машки и был расчет.

– Максим Игоревич! Можно с вами поговорить?

– Говори, Машенька! Говорить еще никому не заказано. – Он улыбнулся своей обычной теплой улыбкой – немножко Машке и немножечко своим мыслям.

– Максим Игоревич, я тут подумала и решила – я хочу ребенка от вас!

От неожиданности Макс поперхнулся. Запнулся, однако немедленно взял себя в руки и как ни в чем не бывало продолжил движение. Старался не смотреть на нее, но краем глаза отмечал, какая она вся красная и потная. Задохнувшись после выпаленных слов, Машка теперь тяжело, с хрипом переводила дыхание. Черт, от кого-кого, а от нее не ожидал! Не то чтобы такое с ним в первый раз. Конечно, по весне они все немножко сходят с ума, Макс к этому даже почти привык, но Машка...

– Маш, мне, конечно, лестно такое слышать, – заговорил он, не без труда подбирая слова. Обычно подобные разговоры давались ему куда легче. Потому что, по правде сказать, Макс и сам заглядывался на Машку. Исподтишка, на уроках, на переменках. Любовался, как падают во время письма темные кудряшки на смуглую щеку, как кривятся смешно пухлые губы и порой показывается между ними кончик языка.

Была бы она на пять лет постарше! И не будь она его ученицей.

Макс привык быть честным с собой. Особенно в эти последние, одинокие годы, когда обманывать стало попросту некого. Никуда не денешься, Машка ему нравилась. Так что сейчас ему было в первую очередь жаль себя. Конечно, если бы она не была его ученицей...

Но ничего не поделаешь. Правила есть правила.

А вот ее ему не было жалко ни капельки. Чего их жалеть? Да, сейчас она стоит, и краснеет, и дышит как паровоз. Кажется, даже начала уже всхлипывать. Но ведь это пройдет! Она

красивая девчонка, вот-вот встретит своего парня. Какого-нибудь лопоухого дурака-ровесника или чуть постарше. И все у них будет пучком, в равной мере смешно, трогательно и глупо. Как и у него самого когда-то. Всякому овощу, так сказать, свое время.

Хотя, конечно, при иных обстоятельствах... Но – стоп. Макс запретил себе думать и чувствовать и переключился на автопилот.

– Маша, ты же умная девочка. Прекрасно знаешь, что подобные вещи внутри школы запрещены.

– Но вовсе не обязательно делать это в школе!

При слове «это» автопилот в Максе неожиданно дал сбой. В горле запершило, Макс судорожно сглотнул. Нет, как она легко обращается со словами!

– А ты не думаешь, что так даже хуже? Получится, будто мы всех обманываем.

– Не обманываем! А просто... Ну... Мы ведь не обязаны всех посвящать в свою личную жизнь. Так даже в школьном уставе написано! Что личная жизнь учащихся никого не касается!

Ему сделалось смешно.

– Хорошо, а потом что ты скажешь? От кого у тебя ребенок?

– А я ничего не скажу! Ну может, их у меня много было? Может, я даже и сама не всех помню? Не бойтесь, Максим Игоревич, от меня никто ничего не узнает!

Макс неожиданно разозлился.

– Маш, ну все. Так мы с тобой далеко зайдём. Давай лучше считать, что разговора этого у нас не было.

– Но... Послушайте! Ведь я ж вас больше ни о чем не прошу! Я просто хочу, чтобы ребенок мой был от вас. А не от кого-то из наших мальчишек. Потому что... Ну, они все, конечно, хорошие. Но какие-то все еще... одним словом, полуфабрикаты. Из них вообще еще неизвестно что выйдет. А вы... Вообще, что вам стоит? Один-единственный раз, и всё. Можно ведь подгадать под овуляцию. Я вам что, совсем-совсем, ни капельки не нравлюсь?

– Маш, ну что ты говоришь? Ты сама-то себя хоть слышишь? Зачем тебе это? Я старый уже, некрасивый. А ты красавица, умница. Хоть и ведешь себя сейчас как дура. Ну, оглядись! Вокруг полно красивых, интересных парней. Ну пусть не из вашего класса, а из выпускного. Не может быть, чтобы ни один из них...

– Пфф! – Она презрительно фыркнула. – Я ж вам уже все сказала. Они... они все еще... А вы... вы уже, сейчас. Вы цельный. Вы настоящий. И вот поэтому я хочу... В целях улучшения генофонда!

И Машка в ярости топнула ногой по дорожке, взметнув вверх целый фонтан декоративной гальки.

Максим едва успел защитить глаза. Острый камешек цапнул его по щеке.

– И не говорите со мной как с чокнутой!

– Маш, но ты сама напрашиваешься! За улучшением генофонда следует обращаться в банк спермы.

– И обращаюсь! А там есть ваш образец?

– Нет.

– Ну и вот! – Машка отвернулась. В глазах ее стояли слезы. Меньше всего она сейчас думала об улучшении генофонда.

Ну ничего! Он у нее еще попляшет! Есть у Машки один способ. Ей бы только дожидать до каникул! Вот она придет домой, сбегает на крышу, и Максим Игоревич будет у нее в кармане!

Больше всего Максиму сейчас хотелось ее обнять. Но делать этого нельзя было ни в коем случае.

* * *

Маша подходит к краю крыши, садится и болтает ногами. Запрокидывает голову, жмурится и смеется. Ветер ерошит ей волосы. Солнышко целует в макушки. Сперва в одну, а потом в другую. Маша счастливая, макушек у нее две.

Внизу потихоньку начинает собираться народ. Тычут пальцами, всплескивают руками.

– Гляди, гляди, девочка!

– Махонькая какая!

– На самом краю сидит!

– Куда только родители смотрят?

Машины родители смотрят дома телевизор. Маше они велели пойти погулять, но только чтоб от дома недалеко. Потом, когда Маша вернется, мама пойдет готовить на общую кухню, а они с папой будут пить чай. С конфетами.

На самом деле сидеть здесь совсем не опасно. По краю крыши установлен металлический барьер. Маша высунула меж прутьями ноги, крепко ухватилась за прутья руками. Она ничего не боится. Она как будто летит.

Маша – девочка послушная. Сказали недалеко – она и не пошла далеко. Она вообще из дому не вышла. Вместо того чтоб спуститься по лестнице, она поднялась по ней вверх. На последний этаж и дальше, выше, по железной лесенке, похожей на шведскую стенку в садике. До самой вечно запертой крышки люка. Она так тыщу раз уже делала. Долезет до потолка и слегка бодает головой крышку люка.

Вот только крышка в этот раз оказалась не заперта.

– Надо залезть и снять! Она ж так убиться может!

– Чудо, что до сих пор не упала!

– Да легко! В любой момент может. Дети ж ничего не соображают.

– Господи! Да что ж мы стоим-то!

И вот кто-то лезет наверх. Крышка люка откинута по-прежнему (в следующий раз Маша будет ее предусмотрительно за собой закрывать). Некто в два прыжка достигает барьера. Бесцеремонно хватает Машу под мышки. Резко выдернутые ноги оставляют часть нежной кожицы на прутьях, насильно оторванные от барьера ладонки кровят и саднят. Маша громко и возмущенно вопит, дергается, лягается, пытается вырваться. Некто, не обращая внимания на Машино сопротивление, волочет ее за собой по крыше, не давая толком встать. Вниз, вниз, вниз. По железной лестнице, потом по обычной. Машка ушибається об углы, плачет, кричит, наконец вопит во все горло.

На лестничных площадках распахиваются двери. Из квартир высовываются люди. Неодетые, неприбранные, лохматые. В трусах, тапочках и халатах. С волосами, накрученными на бигуди. А вот и мама. Она выхватывает зареванную Машку из рук незнакомца и начинает с ним объясняться. Сперва на повышенных тонах, потом вдруг смущается, всплескивает руками, оправдывается, благодарит. Что вы, больше никогда!

Мама вталкивает Машку в квартиру. Судорожно прижимает к груди. Стирает так, что невозможно дышать. И дает ей оплеуху, от которой Машка на секунду глохнет.

– Ты с ума сошла?! Как тебе в голову пришло?! Зачем вообще ты туда полезла?! Двора тебе мало?!

– Что молчишь?! Отвечай, когда тебя спрашивают! – к маме присоединяется папа. Он тоже бледный, и голос у него дрожит.

Сами спрашивают, и сами же ничего не дают сказать!

– Вот придет в другой раз злой дядька и заберет тебя от нас навсегда!

– А этот был, что ли, добрый? – удивляется Маша, демонстрируя ободранные до крови ладошки с коленками.

– Этот добрый. Иди пить чай.

* * *

Крыша была задумана как кусочек рая. По замыслу архитектора повсюду должны были быть кадки с цветами, питьевые фонтанчики, лавочки.

Предполагалось, что жители дома станут по утрам делать тут зарядку, бегать и приседать, восхищаясь всходящим солнцем. А на закате, после трудового дня, отдыхать здесь на лавочках. Болтать, смеяться, сплевывая в кулак шелуху от семечек.

В солнечную погоду на крыше будут загорать, как на пляже. По вечерам устраивать концерты, ставить спектакли на маленькой круглой сцене. Рассевшись на трех ступенях-сиденьях, люди будут глазеть вниз, на сцену, хлопать и восхищаться.

По праздникам с крыши будут смотреть салют.

Почему все это не получилось, Маша не знает. Обо всех этих несбывшихся проектах она слышала от дяди Егора.

Дядя Егор такой старый, что и не двигается уже почти и ноги у него не ходят. Внуки вывезут его на коляске во двор, подвезут вплотную к доминошному столу и уходят. Дядя Егор сразу оживляется и наравне со всеми азартно забивает козла.

Но вечером, когда его партнеры расходятся по домам, коляска дяди Егора стоит иногда во дворе часами. Пока кто-то из родни не вспомнит и не спустится его забрать. Вот тогда Маша с ним и беседует. Залезает к нему на колени – дядя Егор говорит, ему не тяжело, он не чувствует, – и спрашивает обо всем на свете. Дядя Егор все помнит! Он ведь еще до всего родился.

* * *

Крыша напоминает руины замка. Обглоданные дождем и ветром остовы скамеек, подставки под кадки и прочие, иной раз совсем непонятного назначения конструкции разбросаны по ее поверхности без всякого порядка и смысла. Среди этих благородных развалин встречаются осколки банок, бутылок, недокурные бычки, чернеют проплешины от костров.

Кроме Маши крышу регулярно навешают дворники, разнорабочие и всякая местная шпана, неопределившиеся. Им ничего не стоит взломать хлипкий, в общем-то, замок крышки люка. Да и Маша с ним уже неплохо справляется. У нее теперь есть отмычка, подарок дяди Егора.

Кроме дяди Егора, никто не знает, что Маша ходит на крышу. Ни мама, ни папа, вообще никто. А дядя Егор никому не скажет. Он только иногда просит Машу рассказать, как оно там, наверху. Маша рассказывает, ей не жалко.

По углам крыши стоят четыре скульптуры.

Та, что в восточном углу, трубит в горн. Мундштук отколот вместе с губами и кончиком носа. Вообще у статуи какое-то стесанное ветром или, может, недоделанное изначально лицо. Глаза только как живые, всё смотрят куда-то вдаль. Плащ развевается за спиной, и ветер треплет бесчисленные каменные складки.

В западном углу кентавр, сжимает в руках обломки туго натянутого лука. У лука нет ни тетивы, ни стрелы. Тетива, наверное, оборвалась, а стрела упала давным-давно.

В южном углу сидит женщина с растрепанными каменными кудрями и доброй улыбкой. На коленях у нее две детские фигурки. Обе без голов, но с остро торчащими из-под лопаток крыльями. Руки женщины лежат на детских плечах, как бы успокаивая, оберегая.

А в северном углу пристроилось вообще непонятно что – не то лев, не то гриф, а может, и вовсе скорпион. На хвосте жало, вместо рук и ног – птичьи лапы, лицо полульвиное, полу-человечье. Глаза грустные, и Маше его поэтому жалко. Тем более что под носом у чудовища кем-то пририсованы зеленой несмываемой краской усы.

Дядя Егор говорил, что статуи эти – дело рук известного мастера. Он их начал, но не закончил. Дядя Егор не помнит уже почему. То ли помер внезапно, то ли посадили.

В центре крыши расположено что-то вроде амфитеатра – три полукруглых ступени-сиденья спиралью уходят вниз, к углублению сцены. Это такое специальное место. Если туда спуститься и встать прямо посередине, все, что скажешь, даже шепотом, немедленно отзовется эхом.

В первый раз Маша там встала случайно и жутко испугалась. Зато теперь это ее любимое место. Она оттуда понарошку беседует с Богом. Она его как будто о чем-то просит, а он ей как будто бы отвечает.

- Хочу, чтоб мне на день рождения подарили куклу!
- Куклу, куклу, – соглашается Бог.
- Похожую на настоящего малыша!
- Ша, ша! – увещевают ее. Дескать, поняли тебя уже, успокойся.
- Чтоб умела пить из соски и писать! – уточняет Маша на всякий случай.
- Писать-писать! – шелестит со всех сторон.

Маша прижимает ладони к ушам и смеется. Бог смеется с ней вместе.

Каждый раз, когда ее отсылают во двор гулять, Маша всегда сперва бежит вверх по лестнице, проверяет: вдруг люк открыт? Иногда везет, а иногда нет. Маша не дуручка. Если не заперто, то она сначала приподнимет крышку и слушает. Если чьи-то шаги или голоса, немедленно спускается вниз. А если нет никого, то для Маши наступает блаженство. Маша болтает сама с собой, танцует под лишь ею одной слышимую музыку и поет песенки, текст которых выдумывает на ходу. На крыше Маше всегда особенно здорово придумывается.

Или можно лечь на живот и подползти к самому краю крыши.

Маша теперь большая, она хорошо понимает, что стоять или сидеть на краю нельзя – так тебя снизу видно. Но если подползти к краю на животе, то внизу ничего не заметят. Так она теперь и делает – ложится и ползет по грязной крыше прямо в чистой розовой курточке или канареечных брючках. Неважно, скажет маме потом, что упала.

Мир внизу такой маленький! Человеческих лиц не разглядеть. Цветные фигурки двигаются туда-сюда, как в мультике.

Игрушечные деды под липой забивают козла. Маше кажется, она слышит, как с победным стуком опускаются с размаху на столешницу невидимые костяшки: «И раз! И два! А это ты видал? Накось выкуси!»

Игрушечные бабки сидят у подъезда на лавочке и сплетничают обо всех, кто прошел:

- Ты глянь, как расфуфырилась!
- Куда это она?
- Кто это с ней?

Игрушечные мамы катят перед собой игрушечные коляски.

Красочные машинки, урча моторами, ездят вперед-назад, точно их гоняет невидимая рука.

Две девочки вертят веревочку, а третья скачет. Большие девочки. Наверное, их уже скоро в школу заберут. Вредные девчонки нарочно вертят веревочку все стремительнее и резче, третьей приходится подскакивать с каждым разом все быстрее и выше. Быстрее и выше, быстрее и выше, вот-вот ноги ее перестанут касаться земли, и она взлетит наверх, к Маше... Вместо этого девочка оступается, путается в веревке и чуть не падает. Другие две хохочут.

Машке делается скучно. Она отползает от края, перекатывается на спину и разглядывает облака. Растрепанные, похожие на охапки перьев. Облака плывут так низко над головой, что кажется, можно изловчиться и выдернуть перо.

Можно-то можно, да что потом с ним делать? Белое, огромное, ей чуть ли не по пояс. Если только спрятать здесь же, в трещины под ступенями амфитеатра. Там есть одна такая трещина, широкая, и уходит куда-то вниз. Может, даже доходит до верхней квартиры. Тогда у них эти перья будут торчать с потолка.

* * *

Пупс, похожий на настоящего младенца, возникает на стульчике у кровати в ближайший же понедельник, но почему-то не вызывает у Маши большого восторга. Пупс толстый, румяный, на лице его бессмысленная улыбка. Пупс пьет из бутылки воду и исправно делает свои дела на горшок. Он почти как настоящий ребенок, видно даже, что он мальчик. Но играть с ним почему-то скучно.

Может, просто она выросла уже из таких игрушек?

В следующий раз Маша будет умнее. Она попросит у Бога собаку.

* * *

– Ерофеев, Саша? Заходи, заходи. Да тебя не узнать, совсем взрослый стал. Как вспомнишь, каким клопом тебя привезли! Ты уж не обижайся, но мелким, вонючим, еще и кусачим! Хе-хе, бежит времечко-то, бежит! Надо б мне почаще выбираться из кабинета. Ну, присаживайся, не стой как неродной. Как экзамены? Все пятерки? Я и не сомневался. Надо б тебя за это дело премировать как-то. Путевочку хочешь к морю? Прямо на две смены, на все каникулы? Нет? А ты подумай, так сразу не отказывайся. Ты когда море-то видал? Небось, только в пятом классе, на экскурсии по родному краю? Да что там можно успеть за три дня! Ни поплавать толком, ни позагорать...

– Адольф Семенович, ну вот зачем этот цирк? Вы прочли мое заявление?

– Да, конечно, заявление, как же. Читал, читал. – Улыбка на лице заведующего по воспитательной работе медленно гаснет. Заведующий снимает очки и трет пальцами мясистую переносицу. Водружает очки на место, двигает к себе внушительную пирамиду из папок. – Ну что же, Саша. Педагогический совет рассмотрел твою просьбу разрешить тебе навестить мать в период школьных каникул.

– И?

– К сожалению, вынуждены отказать.

– Так. И почему же? – Ерофеев так сильно стискивает под столом кулаки, что белеют костяшки пальцев.

– Причина та же. Встреча с близким человеком, находящимся в тяжелом состоянии, может стать непосильным испытанием для твоей неокрепшей психики. Ты все еще недостаточно стабилен.

– Слушайте, но мне ведь уже шестнадцать! Последнее время нам тут без конца твердили, что мы, дескать, уже взрослые! Так какого ж черта!.. – Он не выдержал и сорвался на крик.

– Саша, Саша, возьми себя в руки! Твое поведение лишний раз доказывает нашу правоту. Смотри, как ты легко теряешь контроль над собой. И это дома, где все свои. А если ты в больнице устроишь что-то подобное? Прости, но мы не можем так рисковать. Вот станешь постарше...

– Как, мама опять в больнице?! А я почему об этом не знаю?! – А он-то все ломал голову, почему вдруг перестали приходить письма!

– Не хотели тебя тревожить в разгар экзаменов. Не волнуйся, ей уже лучше. Непосредственной опасности нет. Не сомневаюсь, она скоро тебе напишет. Как будет в состоянии держать ручку.

«Держать ручку»! В памяти немедленно всплыли скрюченные, одеревенелые пальцы. «Сань, сынок, зажги мне, пожалуйста, сигарету. Только поосторожней, сынок, не обожгись смотри».

Кто ей там все эти годы сигареты раскуривает?

В который раз уже Ерофеев попытался вспомнить мамино лицо. Сине-серые, кажущиеся огромными глаза с белками в красных прожилках. Тонкие ниточки бровей, всегда точно вздернутые в немом удивлении. Нос с маленькими аккуратными ноздрями, заостренный на конце, похожий на клюв хищной птицы. Полные губы, кожа на которых вечно трескалась, а в уголках трещин запекались капельки крови. Кожа молочно-белая, прям-таки до легкой голубизны. Алые пятна на щеках. Темная родинка слева на подбородке. Морщинки, складочки, чешуйки шелушащейся кожи.

Кажется, он помнил ее всю, до последней малюсенькой черточки!

А все-таки картинка не складывалась. Лицо как бы убегало вдаль, расплывалось. Он все никак не мог собрать отдельные черты воедино, увидеть хоть на мгновение ее лицо целиком.

* * *

Лерка расстегивает куртку. Почему-то в школе всегда холодней, чем в городе. Идет, подставив грудь ветру. Только что прошел дождь, умытые им витрины сияют как новенькие. Она останавливается и заглядывается на манекен в шелковом белье. Хорошо ей, безголовой дуре! Живот плоский, грудь от силы второго размера. На такой любой лифчик ладно сидеть будет. Да ей и без лифчика неплохо. А когда у тебя в шестнадцать третий размер и грудь уже не держится ни фига? Живот зато торчит из-под куртки, и кожа на нем вся в каких-то разводах. Ляжки толстые. Как у свиньи. Вчера в зеркало на себя смотрела – чуть не расплакалась. И кто мог думать, что из нее вырастет такая корова? А ведь каким тощим, замороженным подростком скакала когда-то, лет пять назад. И вдруг – на тебе, откуда что взялось! Правильно Сергей говорит – кобыла.

Он, правда, немножечко не так говорит.

«Кобылка моя», – звучит у нее в ушах горячим, срывающимся шепотом, и она на миг останавливается, не в силах на ходу перенести эту тянущую сладость, возникающую одновременно в груди и внизу живота. Вздыхает, открывает глаза. И идет дальше медленно.

Улицы, знакомые с детства, кажутся с каждым приездом почему-то грязнее. Хочется поскорей взять метлу и начать мести.

Интересно, что ей этим летом подsunут в качестве общественных работ?

Родная школа-четырёхлетка. Во дворе копошится незнакомая малышня. Вон окна их класса. На стеклах до сих пор скачут нарисованные Леркой лошадки. Они тогда вышли как живые. Особенно если смотреть снизу, издалека. Учительница хвалила.

Собственный двор, похоже, тоже уменьшился в разы. Песочница, где, если покопаться, наверняка отыщутся спрятанные сто лет назад секретки, шведская стенка, с которой свешивалась на руках, воображая, что вот-вот полетит, качели. Лерка присаживается на доску. Качели в ответ протестующе скрипят. Смущаясь, Лерка вскакивает. Вот ведь, в самом деле разъелась! Родные качели – и те уже не выдерживают. Ничего, сейчас устроим себе разгрузочный день, и завтра тоже, и послезавтра, и за лето сбросим все лишнее.

Правда, стать такой, как раньше, все равно не выйдет. Она ведь еще и вытянулась за зиму. Вон какие ноги теперь длиннющие! Хотя длинные ноги – хорошо. Ну хоть что-то в ней должно быть хорошего?

– Лерочка! Ты что там стоишь?! Поднимайся! Блины стынут! Я целую миску напекла. И сметаны свежей утром купила! Все для тебя! А ты стоишь!

– Бегу, мамочка! Уже бегу! – Сглатывая на бегу слюнки, несется на четвертый этаж, перескакивая через три ступеньки.

* * *

Гудок электрички сливается с заводским. Утро безумно раннее. Сергей переходит через пути, взбирается по насыпи вверх. Знакомая тропа заросла травой.

У родной дыры в заборе его ждет сюрприз. Дырка заделана намертво металлической сеткой. Ха, думают, нашли фраера! Пусть, кто хочет, ходит в обход. У Сергея на такой случай есть волшебные ножницы. Клик, клик, клик – и сеточка крякает. Он протискивается в проделанную дыру и топает дальше. Впереди его ждут новые испытания.

Гора сверкающих никелем водопроводных труб. Глубокая траншея, где, готовясь к эксгумации, все еще покоятся на дне трубы старые. И сплошная стена из притиснутых друг к другу гаражей.

Сергей в три прыжка преодолевает гору. С разбегу перемахивает траншею. Протискивается в щель между гаражами. И вот он – home, sweet home! Он нащупывает в кармане ключ от квартиры. Наверняка родители на заводе. Завтра он тоже к ним присоединится. Как же, четыре часа общественных работ – это святое! Хотя в родной автомастерской, где он инструменты подавал с тех пор, как ходить научился, это только в охотку. Сам бы заскучал, если б вдруг не позволили.

Но это все завтра.

А пока он смывает с себя грязь и пот. Придут родители, они вместе сядут обедать. Он достанет подарки. Интересно, понравится ли бате ножик? Мамка-то в свой платок по-любому вцепится. Ей хоть буро-малиновый, хоть какой, еще и плакать над ним ночью станет. Хотя Сергей, конечно, старался, чтобы под цвет глаз.

У них с матерью одинаковые глаза, серо-голубые, как небо в грозу. И волосы у матери тоже рыжие, хотя теперь уже наполовину седые. А носы разные – у Сергея чуть вздернутый, а у мамки картошкой. От этого мамка особенно какая-то уютная и родная. С другим носом могла б быть красавица, к какой и подойти страшно.

На Сережкин взгляд, женщина не должна быть чересчур красивой. Красивой-то она, конечно, должна быть, но не так, чтобы от нее в дрожь бросало. Всегда должен быть какой-то изъян. Вот у Лерки, например, зубы крупные, неровные. И улыбка от этого выходит не ледяная, как у модели с экрана, а теплая, человеческая. Стоит Лерке улыбнуться, у Сережки в груди сердце так и ёкает. Сразу хочется обнять, прижаться.

А классно будет впервые за полгода отмокнуть как следует в теплой ванне. Какое мытье может быть в общем душе?! Он сдерет с себя все, бросит прямо на пол большой разноцветной кучей. Хлюпнется в теплую воду. В воде тело сразу делается невесомым. Цапнет с бортика непромокаемый пульт, хлебнет пивка холодненького из банки...

Уговорить бы предков сделать в ванной экран побольше! Чтоб во всю стену, как у Андреевых. Он сам даже теперь сможет это частично профинансировать. Небось в году вкалывал будь здоров, не филонил.

Фильм какой-нибудь поставить покруче. С драками чтоб, с погонями, трупами. Чтоб кровяца во весь экран. Чтоб дракон кого-нибудь сожрал. Что еще нужно человеку для счастья?

Но сперва все-таки звякнуть Лерке. Интересно, что она делает сейчас? Может, тоже мокнет в ванне? Он представил это себе и на секунду зажмурился. Достал мобильник, нажал клавишу быстрого набора.

Не отвечает. Это еще почему?!

Час назад была еще в поезде, как и он. Давно уже должна быть дома. Ехать ей на полчаса меньше, чем ему. Между ними всего-то сто километров с четвертью. Причем четверть эту он сам намерил ногами. Вечно эти электронные устройства врут или, на худой конец, дают весьма приблизительную информацию.

– Может, телефон у нее разрядился?

– О! Привет! Наконец-то! Где шляешься? Что значит – «мобильник в куртке»? А ну шас же повесила на шею, как ошейник! И так и ходи. Что значит «не получится»? Почему? Ленты подходящей нет? А что на тебе сейчас? Какого цвета? Черт, когда ты успела переодеться?

В их доме, на краю поля, будет у них две ванны. Одна простая и одна двойная, с джакузи. Или уж не мелочиться, а оборудовать сразу в подвале настоящий бассейн? С подсветкой? Вечером надо покопаться в сети, прикинуть разные варианты.

* * *

– Ты опять выросла, – сказала мама печально, пока пес Джим восторженно облизывал Машкино лицо. Тоже небось бедняга, недоумевал – раньше-то ему запросто это удавалось, а теперь вон как высоко приходится подсказывать! – Просто невозможно! Все, что я купила, уже не годится.

– Да ладно, не расстраивайся. – Машка виновато клюнула губами мамину щеку. – Пойдем в магазин и все поменяем. А папа в лаборатории?

– Папа в поликлинике. Врач велел кардиограмму сделать. Что-то сердце шалит у него в последнее время.

Машка сочувственно покивала головой, хотя словосочетание «сердце шалит» никак у нее с папой не вязалось. Папа у Маши высокий, стройный, молодой и влюбленный в маму. Один взгляд, которым он на нее смотрит, чего стоил. Интересно, сколько же папе лет? Должно быть, сильно за пятьдесят. Машка ведь у них поздний ребенок. Между ней и старшим братом десять лет разницы. Когда Машка родилась, брат уже год как был в школе. Так и выросли поврозь.

– Пойду распакуюсь! – Машка волочет по коридору сумку, чувствуя, как прогибаются под ногами и поскрипывают разошедшиеся паркетины. – Кликнешь меня, когда придет папа?

– Не придешь ко мне поболтать на кухню? Рассказать, что у тебя происходит, что выбрала на следующий год?

– Мам, да я тебе по телефону сто раз уж про все рассказывала!

– По телефону не то. По телефону разве про все расскажешь?

Машка вздыхает. Нет, она, конечно, очень любит маму. Но, честно сказать, в первые дни после приезда с ней бывает нелегко.

– Хорошо. Но дай мне сперва хоть в туалет сходить и умыться.

Она долго плескалась и строила зеркалу дурацкие рожи. Вот вам всем! Как в нее можно не влюбиться, когда она так улыбается? Кто перед ней устоит?!

– Как Никита?

– Никита хорошо. На прошлой неделе мы у них были. Маленькие такие забавные! Хотя какие они маленькие! Старшему на будущий год уже в школу.

– Не может быть! А куда? К нам, в Святичи? Было б здорово! Я б за ним присмотрела. Все ж таки племянник родной.

– Нет, в Крутичи. Так Света хочет. Говорит, все-таки поближе.

– А смысл? Навещать же все равно не дадут! Она что, не в курсе, какая про эти Крутичи слава? Мы туда на соревнования ездили – сыро, неудобно! Болота кругом. Речка, правда, рядом, но все равно она за территорией. Не, завтра первым делом побегу к Никите. Пока меня в работу не запрягли, попробую им мозги вправить.

– Попробуй. Меня они вряд ли послушают. Учти только, что Света сама из Крутичей. Она-то на них другими глазами смотрит.

– И что?! Какая разница, где кто учился! Есть же ведь объективная реальность. Все знают, что наша школа... – Она не заметила, как хлопнула дверь. Спихватилась, только услышав над ухом:

– Маруська, побойся Бога! Выкинь хоть на пару месяцев школу из головы! Ну, приди в себя, ты же дома.

– Папа! – Она вскочила и повисла у него на шее.

Отец устоял, хоть и болезненно сморщился. Расцепил Машкины руки и аккуратно поставил ее на пол.

– Потихе, ведь убьешь ненароком.

А раньше всегда говорил «задушишь», вспомнилось Машке.

– Пап, что они тебе сказали про сердце?

– Стучит, куда оно денется? А что они могут сказать? Следить надо за собой, беречься, не волноваться. Я их спрашиваю: «А жить за меня тогда Пушкин станет?» Не дают ответа. От общественных, правда, освободили.

– Да что ты?! Надолго? Значит, думают, с тобой что-нибудь серьезное? – Мамины руки опускаются, голос сразу начинает дрожать.

– Пока сказали – на пару месяцев. И очень кстати. Займусь наконец-то всерьез монографией. Удачно, что с Машкиными каникулами совпало. Да не смотри ты на меня так, малыш! А то мне уже и самому страшно. – Папа досадливо машет рукой на маму. – Оставь, меняй уже выражение лица! А что мы все про меня да про меня? Маруська, колись давай, что наметила на тот год, какие свершения? Как было на экзаменах?

Машка в сотый раз принимается рассказывать про философию, религию, языки. Что алгебра пять, история пять, обществоведение вообще пять с плюсом. А геометрия слегка подкачала, четыре. Но это неважно. На подготовительный в вуз она все равно прошла.

На середине речи Машка внезапно осознает, что родители ее вовсе не слушают. Стоят, смотрят, как шевелятся ее губы, и переглядываются между собой.

* * *

Ночью Машка просыпается и не сразу может взять в толк, где находится. По лицу ее, по подушке, по одеялу пробегают полосы света от проезжающих машин. Кровать стоит вплотную к окну, в нише, за занавеской. Со всех сторон окружают Машу картины, книги, с детства знакомые безделушки.

Машка приподнимается на локте и прислушивается. Джим, спящий у нее в ногах, счастливо сопит и нежно покусывает ей пальцы. Машка в ответ треплет пса по ушам.

Машка слышит, как кто-то всхлипывает, и понимает, что это мама. Это не новость, в первые дни Машкиных каникул мама постоянно плачет. «Сказывается напряжение, – объясняет она. – Я ж только и выдыхаю по-настоящему, когда тебя наконец увижу».

Машкина мама – художница. При ее профессии допустима некоторая излишняя эмоциональность. Но иногда, думает Машка, мама все-таки хватается через край. Нельзя ж, в самом деле, так распускаться!

– Тихе, тихе, успокойся, – шепчет за занавеской папа. – Ну что ты, что ты? Все ведь уже кончилось. Она дома и спит.

– Ничего еще не кончилось! Она опять уедет.

– И опять вернется. Ничего не сделаешь. Такова жизнь.

– Мне бы твои стальные нервы! У меня сердце каждый раз обрывается. Что с ней там, где она? В конце концов, я не выдержу.

– Выдержишь. Не так уж много осталось. Каких-то пять лет. С Никитой-то мы пережили. И с Машей переживем.

– С Никитой было куда проще! Мы с тобой были молодые. Потом Машка родилась. И я тогда еще ничего не знала! И, вспомни, все равно каждый раз я плакала.

– Ну что сделаешь, раз ты у меня такая плакса. Спи, Машку разбудишь.

– Как я могла решиться на второго ребенка?! Только ты мог уговорить меня на такое! Как подумаешь...

– Перестань думать. Не накручивай себя. Радуйся, какая она у нас прекрасная!

– У нас ли? Сень, я все-таки ужасно боюсь. Помнишь, у сестры у моей... Я тебе еще когда рассказывала...

– У нас, у нас. Спи. Ничего я не помню. И ты забудь.

У какой сестры? У мамы никаких сестер не было.

* * *

– А знаешь, – говорит мама, – дядя Егор-то ведь умер.

– Да что ты! Жалко! Классный был дед такой!

– Ну он ведь уже старенький был. И не ходил столько лет.

– Все равно! Мне его будет не хватать.

– Он тоже к тебе хорошо очень относился. Спрашивал всегда про тебя. Ой, чуть не забыла! Он ведь тебе кое-что оставил. Подозвал меня месяц назад на улице и отдал. Передайте, говорит, вашей Маше. Прямо как, говорит, специально для нее сделано. А сами-то вы, говорю, что же? Вот в каникулы она придет, вы ей и отдайте. А я, говорит, наверное, уже не успею. И так еще улыбнулся. Как чувствовал человек!

Мама протягивает Машке полотняный мешочек.

– Что в нем? – спрашивает Маша.

– Не знаю. Сама смотри.

Машка распускает горловину мешочка, и на ладонь ей падают четыре фигурки, размером чуть больше косточек домино. Кентавр, горнист, женщина с детьми и этот черт его знает кто.

* * *

– Это, Машка, химера. Древние верили, что химеры обладают даром прозрения. Видишь, она как бы представляет собой единство животных царств: тело млекопитающего, к коим, как тебе известно, относится и *Homo sapiens*, птичьи ноги на кривых когтях и хвост скорпиона. Таким образом, у химеры как бы есть возможность судить обо всем со всех точек зрения сразу. С максимальной, так сказать, объективностью.

Лицо горниста было обветренным и суровым. Впрочем, возможно, такой эффект создавался ноздреватостью камня.

Кентавр посылал вперед стрелу с зеленоватым наконечником. Копыта его были отполированы до блеска, могучий атлетический торс возвышался над лошадиным крупом. А лицо было неожиданно простоватым. Прямой нос, широкие скулы, чуть вьющиеся на концах волосы. Ни дать ни взять паренек из их класса.

Женщина обнимала двух крылатых мальчишек – улыбчивых, озорных, курносых.

– Пап, а разве ангелы такие бывают?

– Вот начнешь свою «Историю мировых религий» учить, там тебе все про ангелов объяснят. Какие бывают, каких не бывает, и бывают ли ангелы вообще. А это, может, и не ангелы вовсе.

– Как? А кто же они тогда такие?

– Может, просто пацаны с крыльями. Аллегория какая-нибудь. Мало ли.

* * *

Ночью, дождавшись, когда все заснут, Машка на цыпочках выбирается из квартиры. Поднимается на последний этаж, карабкается по железной лестнице. В кармане у нее отмычка. Тоже, между прочим, давнишний подарок дяди Егора. Машка приподнимает крышку люка, и ветер с силой ударяет ей в лицо. Как бы ее не сдуло отсюда к чертям собачьим! Пригибаясь и хватаясь по дороге за все, что придется, Машка ощупью пробирается к своей цели. Темно вокруг. Не видно ни зги. Ни звезд, ни месяца, ни даже у нее с собой карманного фонаря.

Но Машка крышу как свои пять пальцев знает!

Ну вот он, амфитеатр! В последний миг, уже на ступеньках, Машка оступается и кубарем скатывается вниз. Ничего страшного, здесь невысоко. Хотя синяков она, конечно, набила немерено. Может, оно и к лучшему. У всего ведь должна быть своя цена. С трудом поднявшись, Машка выходит на заветное место.

– Привет-привет! – здоровается она.

– Привет-привет, – откликается вокруг нее тьма.

– Понимаешь, Бог, я тут, кажется, влюбилась, – начинает Машка объяснять ситуацию.

– Билась, билась, – соглашается с нею тьма.

– Так вот, не мог бы ты сделать так, чтобы и он в меня тоже?

– Тоже, тоже, – заверяют ее со всех сторон, и Машка счастливо улыбается.

* * *

Максим ругнулся вполголоса, едва не пропустив поворот.

Мог бы, конечно, и в полный голос, в машине-то, кроме него, никого, но вот вечная эта привычка жить с оглядкой...

До моря оставалось еще изрядно, но дыхание его – соленое, влажное, с легкой примесью мускуса – уже чувствовалось вовсю и шибало в башку почему зря!

Многие не понимали, зачем ему этот цирк с машиной, самолетом ведь быстрее и легче. Ну вот как таким объяснить, что эти три дня пути для него едва ли не важнее, чем весь прочий отпуск? Когда еще он мог почувствовать себя абсолютно свободным, как не в дороге с машиной наедине?

Он мог останавливаться, где хочет, и стоять битый час на обочине, любясь закатом и не трогаясь с места, пока самого не потянет ехать дальше. Мог застрять где-нибудь в лесу на полдня, выйти из машины и упасть ничком в траву. И перекатиться на спину и глазеть на облака и даже, прищурившись, на самое солнце. Мог сидеть, затаив дыхание, в кустах и слушать птиц и, если повезет, увидеть, как несмело высунет нос какой-нибудь зверь. Мог разжечь вечером костер, и смотреть всю ночь на языки пламени, и заснуть только под утро, встретив пепельно-серый рассвет с розовеющей на востоке полоской зари, и проспять потом полдня. Он мог быть собой!

Он мог нигде не регистрироваться – нахождение в пути само по себе вполне уважительная причина.

Справедливости ради стоит упомянуть, что он не раз звал с собой Дусю. Не потому, чтобы его к ней влекло – в бесплотной, худенькой, вечно сгорбленной Дусе трудно было разглядеть женщину. Максим, во всяком случае, даже и не пытался.

Просто Дуся ему нравилась как человек – как она близко к сердцу принимала радости и горести своих ребят, как всегда горячо их защищала перед начальством. Как настоящая мама, Дуся могла допоздна настирывать и наглаживать пацанам белые рубашки перед каким-то меро-

приятием – ну а что, они ведь сами не умеют как следует! Ночи напролет просиживала она в изоляторе с кем-нибудь заболевшим, на прогулках повторяла с ними стихи и таблицу умножения, рассказывала перед сном сказки. Дети ее ярко выделялись среди прочих, неприкаянных и ничейных душ, табунами носящихся по школе. Эти были не ничьи. Эти были Дусины до мозга костей.

Макс даже иногда им завидовал.

Но все-таки, все-таки...

– Понимаешь, – смущенно оправдывалась Дуся, – не люблю я уезжать из школы. Здесь для меня все понятно и просто. А там все не разбери-поймешь как устроено. Понимаешь, школа ведь мой настоящий дом, я другого не знала. Родители мои здесь учились. Они даже не были формально парой, я у них получилась как-то случайно. Пока школу заканчивали, навещали меня в детблоке. А потом им не до меня стало. Жизнь закрутила, то-сё. В первые годы после выпуска случалось еще на родительские дни приезжали. То вместе, то порознь, то с супругами. Потом дети у них свои пошли, и они сочли, видно, что я взрослая уже и не нуждаюсь.

Один раз, когда еще мой сводный брат здесь учился, папа нас обоих к себе на каникулы забрал. Знаешь, жутко мне не понравилось! Чужие люди, я их явно стесняла. Жена вдруг стала отца ко мне ревновать, так, будто я сама отчасти была моя мама. Дети их от домашней вольницы совсем очумели. Как поняли, что мама их за что-то меня не любит, начали изводить – то соль в чай подсыпят, то воду в постель нальют, то жвачку к одежде прилепят, в ботинки наплюют. Смешно, конечно, но все-таки противно ужасно! Короче, больше я в такие авантюры не ввязывалась. Мать как-то звала к себе – сказала ей нет. Хочешь меня видеть – сама сюда приезжай. А мне и здесь хорошо. Гулять и у нас есть где. Вон какой лес кругом!

– Что ж, ты даже в отпуск никогда не ездила? – не сдержавшись, поддразнил ее Макс. – Неужель не интересно, как оно там, за оградой?

– Нет, почему же? В молодости пару раз выбиралась полюбопытствовать. А сейчас уже даже как-то не тянет.

В молодости! Дусе не было еще сорока. Но она и правда казалась старушкой. Сухонькая, сгорбленная. Соломенные волосы вечно гладко зачесаны назад, из-под очков в немодной оправе светятся стальным блеском темно-серые всепонимающие глаза.

– Что ж, ты и не влюблялась ни разу? Так всю жизнь сердце и промолчало? Погоди, у тебя ж вроде был кто-то в старших классах? Высокий такой, красивый. Помнится, я вас издалека видел вместе.

Они с Дусей лишь самым краешком совпали в школе по времени, да к тому же и учились в разных потоках.

Сам Макс только недавно стал приходить в себя после тяжелого развода. Типичный случай – сошлись еще в школе, оба пьяные от неожиданно свалившейся на их головы и, как потом выяснилось, кажущейся вседозволенности и свободы. Замутили дом, развели в нем детей. Дураки были, смеялись много. Все казалось не всерьез, все их, как маленьких, забавляло.

Потом дети выросли, их позабিরали в школу. И вдруг выяснилось, что у них с женой нет ничего общего. И похоже, никогда и не было. Бывает. По статистике, чуть ли не с каждым третьим. И кстати, довольно типично, что после всего этого он вернулся в школу зализывать раны.

– Да что ж я не человек, что ли? – Дуся улыбнулась, и глаза ее за стеклами очков сразу поголубели. – Была любовь, как не быть. Отличник, медалист. В баскетбол за школу играл. Все всерьез, вместе жили в семейном блоке. Собирались в университет поступать. Науку двигать, мир менять, ни больше ни меньше. Когда дочка родилась, никому ее отдавать не хотели. С рук на руки друг другу передавали. Бегали на уроки по очереди. А то и с ней в кенгурушке, когда спала хорошо. Проснется, захнычет, я ей сразу сиську в рот. Почмокает и опять заснет.

– Дуся, у тебя есть ребенок?!

– Ну да. Дочка Марта. Теперь-то она уж взрослая! А тогда, перед самым выпуском, обнаружился у меня вторичный сколиоз. И всё сразу коту под хвост.

– Так поздно?! Да еще после родов?! Так же не бывает!

– Иногда, как видишь, случается. Не повезло. Вадим уехал в университет, а я осталась лечиться. Ну собственно, и всё.

– А дочка?

– Понимаешь... мы с Вадимом хотели, чтобы у нашей Марты было нормальное детство. Чтобы в нем было что-то помимо школы. Я-то ведь все равно лежала, заниматься ею не могла. Мы решили, пусть Вадим ее увезет с собой. Ей было уже пять лет, большая девица, разумная. И потом, мы ж тогда глупые совсем были. Думали, я, когда вылечусь, к ним присоединюсь. А Марта, когда придет время, поступит, конечно, сюда, в нашу школу. Наивные были как дети!

– И?

– И ничего. Вторичный сколиоз – ну ты ж знаешь. Минимум два года постельного режима. Потом еще год в аппарате. Потом, конечно, можно уже что хочешь, но, честно говоря, потом обычно уже ничего не хочется. Я разговаривала с психологами – это не со мной одной, это с большинством так бывает. Что-то в тебе ломается. Ничего... Курсы воспитательниц тоже не так плохо. Других и на это уже не хватает.

– А Вадим? А Марта?

– Вадим сперва меня навещал. И девочку нашу привозил с собой. Но... ты ж понимаешь. Учеба, общественная работа, ребенок маленький. Девушки всякие вокруг – красивые все, здоровые. Я Вадима понимаю, он не железный. Женился. Защитил диссертацию. Теперь известный ученый. Я им даже отчасти горжусь.

– Слушай, как тебе удастся всех понимать? Родителей, детей, Вадима этого своего?! На твоём месте, я б его возненавидел!

– А смысл? – Дуся пожала плечами.

– А Марта? Почему она сюда не вернулась? Ну когда ей десять лет исполнилось?

– Понимаешь, у Вадима появилась возможность устроить ее в другую школу. Элитную, при университете. Мы оба решили, что так будет лучше. Марта выросла интересным человеком. Она журналистка. Иногда она меня навещает. Хорошая девочка. Но, понимаешь, взрослая уже совсем. Для чего ей мама?

* * *

Зарегистрировавшись в гостинице, Максим с временного номера зашел на сайт местных общественных работ. Хм, что б такого выбрать, потяжелее и попротивней, где час идет за два? И чтоб не слишком рано, и не очень поздно, и от гостиницы не слишком далеко...

В конце концов Максим выбрал мытье туалетов в торговом центре, с двенадцати до двух, когда на море идти все равно уже жарко, а бары, пабы и прочие зланные места еще закрыты. А чего нам? Мы не брезгливые. Рабочий комбинезон у него с собой. А если что, так море же в двух шагах. Из моря ты всякий раз выходишь как заново родившийся. Оно с тебя все смывает и в пучину уносит.

Через полчаса Максим, одетый в одни лишь умопомрачительные красные плавки, нырял с пирса под восхищенные вопли девчонок.

А чего? Знай наших! В нашей школе один из лучших в стране бассейнов. Наша школа выпустила немерено кандидатов в мастера по плаванию и прыжкам в воду! В нашей школе каждый мальчик и каждая девочка...

Ох, да ну ее уже на фиг, нашу школу! В отпуске он или нет?

Максим шел по набережной, и в наступающих сумерках каждый встречный огонек манил его новой возможностью зайти, и заказать, и немедленно выпить, и закусить. Услужливые мальчишки и девочки тратили свои общественные часы на то, чтоб смешивать ему коктейли и добавлять в них колотый лед. И нарезать закуску, и подносить огонек к его сигарете. Прелестные девицы в бикини призывно улыбались ему с шестов.

В нашей стране все равны! Сегодня ты – завтра я. Сегодня меня – завтра тебя. Сегодня со мной – завтра с тобой. Счастье для всех, и пусть никто не уйдет обиженным!

Ох, только бы не напиться, а то ж он и к двенадцати не встанет! Не хватало только записи в личное дело, что в первый же день не вышел на общественные работы.

* * *

Крайняя кабинка в женском туалете между четвертым и пятым этажами была по-прежнему занята. Каждый раз, закончив отскребать от говна очередной санузел, Максим возвращался на это треклятое межэтажье, вежливо стучался и уходил, не получив ответа.

Может, там и нет никого? Может, просто дверь заклинило?

Он припал к двери ухом, уловил частое прерывистое дыхание и еле слышный, сдавленный всхлип.

– Что с вами? Вам плохо? Ну, ответьте же, пожалуйста, а то я буду вынужден обратиться в охрану!

– Не на-адо никого зва-ать, – донесся наконец из кабинки плачущий голос. – Со мной все хо-ро-шо. Вы только уходите, пожалуйста!

Голос звучал настолько по-детски, что Максим не на шутку встревожился. Дети до двадцати одного года не могут находиться на территории молла без сопровождения. Это аксиома.

– Выйдите, пожалуйста! – настаивал он. – Я должен убедиться, что у вас все в порядке.

– Уходите! Вам что, неясно сказали?! Вы что себе позволяете?! Вообще, что вы делаете в женском туалете?! – на сей раз в голосе прозвучало вполне взрослое отчаяние.

Максу стало стыдно.

– Девушка, – заговорил он просительно. – Поймите, я не могу уйти. Я клининг-менеджер. Сейчас по расписанию санитарный час. Вы сперва дайте мне убраться, а потом, если хотите, залезайте туда обратно и сидите там хоть до морковкина заговенья. Точнее, до следующего санитарного часа.

За дверью всхлипнули, но промолчали. Максим почувствовал, что победа уже близка.

– Девушка, – решительно сказал он. – Выходите или я дверь вышибу!

На самом деле, это была пустая угроза. Вышибать двери при любых обстоятельствах строго-настрого воспрещалось, поскольку двери были хлипкие, полые внутри, трескались на раз, и поди ее потом почини, эту дверь. Но девушка-то этого знать не могла!

Замок щелкнул. На пороге кабинки показалось длинноногое существо в умопомрачительном серебристо-прозрачном мини. До кучи это мини было еще и разорвано до пупа, и существо с трудом придерживало его на груди руками. Существо шмыгало носом и размазывало по щекам слезы, сопли и макияж.

Черт, без десяти два! Откуда она здесь взялась в таком виде? С ночи тут сидит, что ли?

– А когда следующий санитарный час? – уныло спросила девица вместо приветствия.

– В два ночи. А ты что, здесь жить собираешься? – участливо поинтересовался Максим, оперативно орудуя шваброй, так как время, отведенное ему на уборку, заканчивалось и пора было сдавать инвентарь. К счастью, кабинка оказалась на удивление чистой.

– Да. Может быть. Не знаю. Я теперь совсем ничего не знаю! И вообще, куда я в таком виде пойду? – И девица безутешно разрыдалась.

Выглядела она тютелька в тютельку на свои законные двадцать один и ни минутой старше. Максим внезапно ощутил себя в привычной роли учителя.

– Так, – сказал он. – Стой тут и никуда не уходи. Впрочем, действительно, куда ты в таком виде пойдешь? Тебя ж нравственный патруль в два счета загребет в таком прикиде. Вот что, лезь давай обратно в кабинку и никому больше не открывай. Сейчас я сдам швабру и прочие причиндалы, душ приму и вернусь сюда за тобой с нормальной одеждой. Какой хоть у тебя размер?

* * *

Переодевшись в майку и джинсы, она слегка успокоилась, но выглядела по-прежнему настороженно и как-то безнадежно тоскливо.

– Тебя как звать-то? – спросил Максим.

– Галадриэль, – ответила она без всякого выражения.

Максим сочувственно присвистнул.

– Кто ж тебя таким имечком наградил?

– Ну кто-кто? Родители. Главное, назвали, а сами слиняли из школы и за столько лет ни гугу. А я теперь ходи мучайся. Нашла б, поотрывала им кой-чего. Но где ж их теперь искать-то? К тому ж вряд ли они все еще вместе.

– Так ты из школьных детей? Ну ясно, ясно. – Максим понимающе покивал.

– Ну и чего тебе ясно? Чего тебе ясно, дядя? Вот все вы такие уроды! Понаделаете детей без счету, а школа потом с ними мучайся. А они, наоборот, со школой. И так по кругу. Ненавижу! – Она закричала зубами, и лицо ее исказилось.

– Ну тише, тише. – Максим положил было ей руку на плечо, но она шарахнулась, как от удара. – Зачем ты так уж сразу про всех-то? Ты, наверное, недавно только школу окончила?

– Этим летом. Ну и что с того?

– Да ничего. Просто ты еще не научилась разбираться в людях и в ситуациях. Наверное, и за оградой одной ни разу побывать не пришлось? Да это все придет, не волнуйся. Со временем...

– Ну хорошо, а до этого мне что, в кабинке туалета сидеть? – задиристо перебила она его. Максим смутился.

– Да нет, зачем же в кабинке? Ты вообще как там оказалась? Ты ж мне и не рассказала еще ничего. Давай, давай, не стесняйся, выкладывай! Глядишь, я тебе помогу.

– Никто мне теперь не поможет! – Лицо ее сморщилось, и Галадриэль горько заплакала.

Помня ее первую реакцию, Максим больше не пытался к ней прикоснуться. Он просто протянул ей пачку бумажных платочков.

– Понимаешь, – сказала она сквозь слезы, – я приехала сюда только вчера. Прямо из школы, понимаешь? Прямо с самолета пошла, как положено, в отдел общественных работ. Они мне там дали список.

– Так. – Максим начал догадываться, в чем дело. – И что же ты выбрала?

– Услуги по сопровождению. – Галадриэль совсем по-детски шмыгнула носом. – Мне одна тетка в очереди посоветовала. Говорит, работенка непьющая и к тому же час считается за два. Я не думала, что будет так мерзко. Я думала, будет прикольно. Думала, ну может же кому-нибудь просто быть одиноко. И я ведь тут тоже совсем одна. И теперь я... Я ведь там зарегистрирована на две недели. Ой, что ж со мной теперь будет, ой, божечка мой! – голос ее опять сорвался.

Максим опять терпеливо дал ей прореветься. Что ж, она права. Взрослая уже, должна понимать. Две недели неявики на общественные работы – это вам не шуточки. Но господи, какой же мерзавец ей попался! Видел же, что перед ним ребенок совсем! Бывают же мрази!

– Он... что-нибудь... с тобой сделал?

Галадриэль замотала головой.

– Он не успел. Я убежала. Мы были в номерах, на верхнем этаже торгового центра.

– Не плачь, – сказал Макс, чувствуя себя отчасти добрым волшебником. – Не конец света.

Сейчас мы с тобой все это разрулим. Сперва пойдем к врачу. Он даст справку, что у тебя нервный срыв, и бюллетень на два дня, и официальное освобождение от данного вида общественного труда из-за полной твоей к нему профнепригодности. Это ж любому невооруженным глазом видно! Потом мы с тобой в первом же интернет-кафе зайдем на соответствующий сайт – я тебя научу, у вас же там в школе, небось, и доступа к интернету толком не было? Да ничего, это просто. Ты там регистрируешься, и сама, без всяких дурацких теток, устроишься на эти две недели посудомойкой в какое-нибудь кафе. Хорошо?

Галадриэль быстро-быстро закивала и так вцепилась ему в руку своими накладными когтями, что Макс чуть не взвыл. Она точно боялась, что он вот-вот исчезнет, растает в воздухе и она опять останется наедине со своими проблемами.

«Господи, хранил бы ты, что ли, их, идиоток! – мысленно воззвал Макс. – А если бы моя Машка так?!»

Его прямо-таки замутило от одной мысли, и он даже не заметил, что впервые в жизни назвал Машку своей.

* * *

В огромном полутемном зале столовой они сидели вдвоем. Детей давно уже покормили и увели спать. Учителя и обслуга в каникулы редко когда ужинали в столовой, в крайнем случае делали заказ, и ужин присылали к ним на квартиру. Старшие школьники, по возрасту уже освобожденные от ежеминутного надзора, но в силу обстоятельств не выпущенные на каникулы, ужинали, конечно, в столовой, но не по расписанию, а кто во что горазд. Повара просто не убирали после раздачи котлы, зная, что иные голодные души совершают набеги на столовую прямо посреди ночи.

Вообще, в каникулы в школе царил полная расслабуха, особенно в вечерние часы, когда немногие необходимые дела были уже переделаны.

– Ну что, друзья встречаются вновь? – Ерофеев забрал у Ани поднос и помог поставить на стол. На подносе вперемешку громоздились яблоки, котлеты, куски хлеба, сыра, огурцы, помидоры и стояли две чашки холодного чая. – А гречку чего не взяла? Гречка ж вроде на дне еще оставалась.

– Да ну ее! – Аня смешно сморщила нос. – Холодная, не хочу!

– А говорила – быка съешь!

– Быка – да. А холодную гречку не стану.

– Однако ты привереда!

С утра, покормив зверей в мини-зоопарке и сообщив организовав им сравнительно сносное существование, они вдвоем выбрались за ограду и махнули на речку. В каникулярное время два бродящих без присмотра подростка не слишком бросались в глаза. Речка и без них кишмя кишела детьми. До обеда они купались, потом пошли в лес, на свое любимое место, развели костер и напекли картошки, которую Аня натаскала с кухни во время дежурств. Наевшись, растянулись на траве, незаметно задремали и продрыхли до сумерек. Свежий воздух пьянил не хуже вина.

Проснулись оба от холода и некоторое время сидели в обнимку, стуча зубами и греясь друг об дружку. Прикинули, не разжечь ли снова костер. Решили, что не стоит – поздно уже, к тому же темнеет, огонь могут заметить из школы.

Вернувшись обратно, каждый отправился к себе, чтобы принять душ, одеться потеплее и доработаться с делами.

Саша Ерофеев, у которого в его хоромы под лестницей, конечно, не было санузла, мылся, как всегда, в огромной душевой при бассейне. Сейчас тут было непривычно тихо. Слышно только, как назойливо капает вода из крана в дальней кабинке. Саша попробовал было закрыть кран до упора, но чуть не сорвал резьбу. Надо будет отметить в журнале. Пусть вызовут сантехника.

Прошелся по мини-зоопарку, посмотрел, все ли у всех в порядке. Попугай жако был какой-то грустный, не ответил на приветствие, вообще на Сашу не среагировал – застыл на ветке молчаливым изваянием, спрятав голову под крыло. Ерофеев постучал по клетке – попугай дернулся, но голову так из-под крыла и не вынул. И корм с утра нетронутый стоит.

Спустившись к себе, Саша набрал номер ветеринара, дождался автоответчика и оставил сообщение.

Наскоро сполоснувшись, Аня спустилась в медпункт и быстренько пробежалась по аптечке. Бинты есть, обезболивающих хватает. Раствор антисептика на доньшке, пластырь бактерицидный на исходе. Надо завтра сходить на склад, пополнить запас. Лето же, все без конца носятся взад-вперед, падают и расшибают колени.

Открыла реанимационную укладку, сверила по списку. Атропин, адреналин, кардиостимулятор, тубус, ларингоскоп, шприцы и иголки. Все на месте, как и следовало ожидать. Расписалась в журнале.

* * *

Они лежали у Ерофеева в дежурке. Им было тесно и душно – настоящих окон, ведущих наружу, на свежий воздух, там не было.

– По-моему, в палатке было бы уютней, – посетовала Аня, чувствуя, что вот-вот свалится на пол. Топчан в дежурке явно не был рассчитан на двоих. – Может, лучше на пол переместимся?

– Как хочешь. – Он пожал плечами.

Они встали и расстелили на полу одеяло и спальник. На полу оказалось заметно свежее – сквозило из-под двери.

– Короче, избалованные мы какие-то, – посетовала Аня. – Вот раньше спали на полу в пещерах, на шкурах. А мы кровати напридумывали себе каких-то. Всем вместе-то на полу и теплей, и уютней, и в темноте не так не страшно.

– Вообще-то кровати – это чисто европейские штучки. Во многих странах до сих пор на полу на циновках спят.

– Ну и правильно делают! Знаешь, ты только не смейся, но я до смерти боюсь спать одна. Когда девчонки другие в комнате, еще ладно. Но когда все разъедутся, вот как сейчас... брр! Я, знаешь ли, везде на ночь свет включаю: и в ванной, и в коридоре, и в комнате, и ночник еще над головой – и все равно уснуть иногда не могу!

– А ты приходи ко мне. Не за чем-нибудь, а просто.

– Спасибо, приду. – Аня улыбнулась. – Не то чтоб я была против чего-нибудь. Я только одного понять не могу. Зачем ты все время в презервативе, если знаешь, что я на таблетках? Без презерватива намного прикольнее.

– Могу себе представить. Но так все-таки надежней. Мало ли что. Вдруг ты таблетку забудешь принять? Или она не сработает? Тогда как?

– Ну, тогда... Тогда ничего не поделаешь. Против лома нет приема. Тогда, значит, родится и будет жить. Не мы первые, не мы крайние. Или ты за меня боишься? Не бойся, я крепкая.

– За себя боюсь. Нет уж, на фиг такие сюрпризы. Ерофеевы в неволе не размножаются. Вот выйду отсюда, заберу мать. Уедем с ней в глушь, где нас никто не сыщет. Вот там-то я и... Ань, ты как, поедешь со мной?

Она не ответила. Широко раскрытыми глазами она смотрела куда-то вдаль, куда-то сквозь стены и потолок. На поверхности глаз дрожали непролитые слезы.

Саша перевернул ее лицом к себе.

– Эй, с чего вдруг ты плакать вздумала? Ань, я что-нибудь не то сказал?

Она вытерла глаза кулаками.

– Нет, Саш, дело не в тебе. Просто... Сашка, Сашка, какой ты все-таки хороший. Меня вот с собой зовешь. Только не получится у тебя ничего!

– Почему? Можно ведь забраться глубоко в тайгу, уплыть в море на необитаемый остров, выстроить лачугу где-нибудь в скалистых горах. И жить припеваючи, ни от кого не зависеть. Огонь трением добывать, на козлов каких-нибудь горных охотиться, рыбу ловить.

– Саш, ты никогда не спрашивал, почему я торчу здесь в каникулы. Тебе было неинтересно?

– Интересно, конечно. Но я считал – зачем в душу лезть? Захочешь – сама расскажешь. Не захочешь – твое дело.

– Ты правильно считал, умница. Я действительно об этом говорить не люблю. Но тут, короче, Сашка, какое дело... Хорошо ты, конечно, придумал – в глушь, в горы, в леса. Вот только не поможет это. Нельзя от них убежать, пойми! Нет, то есть до поры, конечно, до времени можно. Пока молодые, пока еще дети маленькие. Ну не вышли на работу, не отметились где-то там, живете сами по себе, необходимое все сами из-под земли добываете. Черт с вами! Никто преследовать не станет. Вам от общества ничего не нужно – ну и вы ему на фиг не сдались. Но все это, Саш, пока дети ваши, ну, если они есть, конечно, до школьного возраста не доросли. А там уж извини-подвинься. Приплывет к вам на необитаемый остров или спустится по веревке с вертолета у вашей лачуги в горах школьный инспектор – и протянет, как Румпельштильцхен, свои длинные ручонки – ну-ка, ну-ка, где там ваше живое и тепленькое? Отдавайте мне то, что вам милее всего!

– Не может быть! Ань, ты преувеличиваешь!

– Ой ли? А как у вас с мамой было? Ты ж сам мне рассказывал, как мама тебя в шкафу прятала. Что сидели безвылазно в квартире, ни с кем не общались, пособие продуктивное на маму-инвалида под дверь получали, ты из этой квартиры нос ни разу за десять лет жизни не высунул, голос боялся подать, мама тебя читать-считать шепотом учила. И что же, помогло это вам?

– Ань, ну что ты сравниваешь?! Это ж был обычный муниципальный дом, соседи, полиция, кругом глаза-уши. Может, я как-то к окну неосторожно подошел, я ж пацан был, что я понимал-то?

– Ага, два раза! Десять лет не подходил, а тут вдруг подошел. И всем вдруг стало до вас дело – и врачам, и инспекторам, и детской комнате милиции.

– Ань, я по-прежнему склонен считать это случайностью.

– Ой, да считай ты что хочешь! Но только вот чтоб ты знал – меня мои родители действительно увезли. Точнее, они сами от всех уехали. В тайгу, чёрт-те куда, где одни медведи и волки. На собственном малолитражном самолете улетели. Посадили его в одном безлюдном месте, сами пешком в другое пошли. Шли много дней, по дороге сто раз чуть концы не отдали. Шестеро их было – мои и еще две молодые пары, все бывшие одноклассники. Снегом их раз ночью завалило, потом еда у них кончилась совсем, изголодались, пока сами добывать набл-тыкались. Я эту историю наизусть знаю, часами могу про их приключения рассказывать, да только не в том суть. Потом, если хочешь, расскажу. Там много у них прикольного было. И по дороге, и вначале, пока обжились. Кое-что я и сама уже помню.

Так вот, короче. Они вообще-то никаких детей не хотели, предохранялись всякими естественными путями. Не хотели, короче, давать обществу возможность ухватить их, если что, за яйца. Ну те две пары убереглись, а моим, вишь, не повезло. Хотя с какой стороны смотреть. Мне в детстве всегда казалось, что остальные все им завидовали. Опять же, до поры-времени, конечно.

Я выросла на полной свободе – кого бояться в такой глуши? Звери, в отличие от людей, без причины не нападают. Все со мной нянчились, цацкались, учили меня всяким премудростям кто во что горазд, их там пятеро из шестерых университет успели закончить, причем по разным специальностям. Так гоняли, мне теперь любой школьный предмет – пустяки.

Короче, жили мы припеваючи. Пока в один прекрасный день на поляну перед домом не выехал внедорожник со школьным инспектором. Я тогда, веришь ли, автомобиль впервые в жизни увидела.

– И что? Твоих родителей лишили родительских прав? За сокрытие тебя? Но разве есть такая статья? За уклонение от общественных работ? Но они ведь все эти годы и сами не пользовались благами общества?

– Нет, тут все сложнее. Инспектор сказала, что общество не может даже временно доверить ребенка лицам, ведущим, как она выразилась, девиантный образ жизни. Поэтому она предложила им выбор – родители или кто-то один из них возвращается вместе с ней и дальше играет по общим правилам. Тогда меня можно будет отпускать к нему на каникулы. В противном случае родители меня больше не увидят.

– И что, твоя мама на это согласилась?! Не поехала с тобой?!

– Куда? Меня ж все равно от них забирали! Саш, мы с мамой тогда долго говорили. Инспектор сказала, что понимает. Не будет нас торопить. Видишь ли, мама никак не могла оставить отца. А для него возвращение было хуже смерти. Он у меня художник. Он, когда картины свои пишет, сутками от холста не отходит, поесть-попить забывает, какие уж там общественные работы! А без мамы он бы не выжил, это даже я в свои десять лет понимала.

– А ты?

– А что я? Ради нескольких недель раз в полгода? Нет, я маму не осуждаю. Тем более когда такая любовь.

– Да какая любовь?!

– Настоящая, Саш, без балды. Как в сказках, ни словом сказать, ни пером описать. От которой человек сам себя забывает.

– Нет, Ань, не понимаю. А дети? Детей же своих человек тоже любит. И дети его любят. По-твоему, это ничего не значит?

– Значит, конечно! Только вот, Саш... Ну я не знаю, как тебе объяснить! Сама внутри себя понимаю, а объяснить не могу. Сложно это на пальцах объяснять. Особенно если человек сам такого не переживал и не видел.

– Да нет, отчего ж. Я понимаю, что ты хочешь сказать. Совсем не обязательно переживать самому. Есть же книжки и фильмы. Только... все равно я не понимаю!

* * *

Река на закате была прекрасна. Янтарный песок, темные островки камышей, рыжая половинка апельсина, тонущая в воде.

От реки тянуло сыростью и холодом, но в запале они этого не замечали. Они сбежали, сбежали, сбежали! Им в очередной раз удалось обдурить систему!

Правда, вначале все чуть было не сорвалось. Знакомая дыра в заборе оказалась заделана. Но Сержкины ножницы сделали волшебное клик-клик-клик, и вот они все на воле!

Жаль, что Аня не смогла с ними. У нее сегодня дежурство по кухне.

Они смеялись, размахивали руками. Скакали по песку, то прямо, то вбок. Радовались первому погожему дню после двух недель проливных дождей. Галдели, перебивая друг друга:

– А Машка ему такая: «Максим Игоревич, я вас не понимаю. Вы не могли бы объяснить поконкретней?»

– Он, бедняга, аж задохнулся!

– А покраснел-то как, покраснел! Мне прям его жалко стало!

– Машк, он к тебе явно неровно дышит!

– Вот еще, жалеть их?! Нефиг пургу на уроке гнать! У тебя практикум по социальному общению? Вот ты насчет общения и втирай. А уж что нам там после школы делать, мы и без тебя как-нибудь сами сообразим.

– Действительно! Чего б вдруг кто-то из наших девок пошел в проститутки?! Это, может, в других школах такие дуры имеются.

– Нет, ну он-то, тако-ой! Ой, я больше не могу... – складываясь от хохота пополам.

– Да ну вас! Меня сейчас со смеху вырвет.

– Удивила! Тебя и так постоянно рвет.

– Прекратите, а то я сейчас со смеху сдохну!

– А чё, давай. Место подходящее. Уложим тебя в ладью, украсим цветами... где, кстати, наша лодка?

* * *

Они плыли долго-долго. Солнечную дорожку сменила на воде лунная. Капли с весел падали расплавленным серебром.

– Вот здесь мы в прошлый раз приставали. Видишь, на кусте обрывок бечевки?

– А не дальше? Почему ты знаешь, что это наша бечевка? Через полгода-то?

– А чья еще она может быть? Кто, кроме нас, здесь бывает?

– А это еще что за фигня? Откуда они взялись? Раньше не было.

Действительно, из-за холмов, упираясь в небо, торчали, покачиваясь, две гибкие антенны. Похожие на усики гигантского муравья, они точно принохивались к небу вокруг. На кончиках усов мерцали две маленькие звездочки, почти теряясь на фоне прочих, настоящих, звезд.

– Ох, не нравятся мне они!

– Кому ж такое понравится? Пейзаж весь портят.

– Что-то мне стремно. Нас оттуда не засекут?

– Да ладно, не бери в голову! Кому мы на фиг сдались? Они вообще в другую сторону повернуты!

– Кто их знает... Может, их так запрограммировали, чтобы во все стороны сразу.

– Народ, хватит болтать! Всю рыбу распугаете!

* * *

Они наловили мелкой рыбешки, забросали ее в котелок и залили речной водой. Из приправ у них была только соль; рыбу они, конечно, не чистили – что там чистить-то. Гадость получилась изрядная. Впрочем, бульон они выпили до дна – куда ж деваться, другого-то ничего нет.

Лерку сразу вывернуло наизнанку.

Никто этому не удивился. Ее рвало постоянно – утром, днем, вечером, на уроках. Она уже в два раза похудела, на зависть Златке, которую, наоборот, к четвертому месяцу разнесло, как бочку. Она, правда, похвалялась, что сразу после родов все сбросит. Есть, мол, у нее на примете чудо-диета. За один день десять кил. Но Лерке как-то не верилось в подобные чудеса.

Машка хоть и смеялась вместе со всеми, но внутри себя, конечно, переживала. А вдруг они догадались, что Макс не случайно вызвал именно ее!

Сработало, сработало колдовство!

«Ребята, вы уже взрослые и разговаривать с вами можно по-взрослому. Хочу поделиться с вами историей, случившейся с вашей почти ровесницей. Чтобы вы поняли, к чему может привести элементарное незнание реалий. Вот ты, например, Маша, представь себе...»

Да с чего б ей вдруг фигню всякую представлять? Что он с ними как с малолетками?

И Машка опять передернула плечами.

Но как он на нее смотрел! И покраснел ведь действительно! И весь урок еще потом при одном взгляде на нее запинался!

Машкина душа сладко пела при одном лишь воспоминании.

А так ему и надо!

* * *

Они расположились у костра – не слишком близко, чтобы не сгореть, не слишком далеко, чтобы не замерзнуть. Из ниоткуда возникло пиво, для конспирации налитое в бутылки из-под лимонада. Сергей расчехлил гитару. Завел вполголоса, перебирая струны:

Там свет в окне.

Там свет в окне.

Он светит нам,

Тебе и мне.

– Тимохин, что ли?

– Он. Группа «Осенние птицы». Там у него еще хорошая есть, да вы ее знаете, наверно: «А мы улетаем, а мы улетаем, как осень придет, собираемся в стаи. Вы спросите нас, мы в ответ улыбнемся: “Что будет нас ждать здесь, когда мы вернемся?”»

– «А мы и не знаем, откуда мы знаем?! Мы этих путей себе не выбираем!» – подхватили хором со всех сторон. Даже Лерка пела, как ее ни мутило.

Один Саша Ерофеев не пел. Он раскопал ямку с глиной и слепил из глины маленького слона. Отдал его Маше и теперь машинально разминал в руках новый ком.

– Да у тебя талант! Как живой, так глазами и смотрит!

– Зато я петь совсем не умею. Медведь на ухо наступил. – Ком в руках Ерофеева приобретал постепенно форму медведя.

– Слушай, как ты это делаешь?

– А я знаю? Само собой происходит. А начну задумываться, пытаться отследить процесс – сразу перестает.

– С ума сойти! Ты как сороконожка, у которой спросили, как она ходит. Хотя, наверно, ты прав. Иногда, наверно, лучше не думать. Просто идти себе вперед, куда глаза глядят, куда ноги несут...

– Куда душа просит, – негромко договорил Ерофеев.

– Мы разве не душой думаем? – усомнилась Машка.

Но Ерофеев покачал головой:

– Душой мы чувствуем. А думаем мы мозгом. Ну у кого есть, конечно.

– А у кого его слишком много?

– Тады ой! – На морде медведя расплылась клыкастая ухмылка.

Машка озадачилась: не слишком ли много у нее в голове мозгов? Навскидку получалось, что многовато. Поскольку в основном она в жизни совершает какие-то вполне разумные дей-

ствия: учится, умывается, чистит зубы, в общественные часы выдает книжки в библиотеке. Но иногда, похоже, душе удастся взять верх, и тогда Машка умудряется учудить такое!

Вот и сегодня. Весь день она тревожно прислушивалась к себе. Начиная с урока Макса и потом, когда они сбежали из школы, плыли сюда, разжигали костер, пели песню. Особенно когда пели песню. Все время в Машке что-то бурлило и клокотало, поднимаясь все выше, выше, грозя выплеснуться наружу. Теперь оно, похоже, почти что дошло до горла. Секунда, другая – и...

Ни с того ни с сего Машка вскочила и заорала:

– Ребята-ы! А чего мы всё сидим, а?! А давайте-ка вместе все за холмы сгоняем! Разведем, что там нового появилось! Поглядим, откуда эти усы растут!

Народ уставился на нее в изумлении.

– Машка, ты чего?

– Что на тебя нашло?

– У тебя как, с головой в порядке?

– Народ, Машке больше не наливаем!

Она сморщилась и надула губы.

– Ну чего вы все как эти... Пригрелись тут, точно старики.

– Да поздно уже, Маш! Давай как-нибудь в другой раз.

– Скоро ведь уже и назад пора.

– У некоторых, между прочим, уроки еще не сделаны.

– Темно, что ты там разглядишь?

– Так днем-то мы сюда по-любому не попадем, – возразила она резонно. – Ну что, всем слабо? Со мной наперегонки? До верха холма и назад? Никто не хочет? Смотрите, тогда я одна.

– Маш, а это тебе как? – Нехлюдов кивнул на столб с фонарем и надписью «Запретная зона», занозой торчащий в самом начале ведущей к холмам дороги.

– Ой, я тя умоляю! Можно подумать, из школы выходить можно было.

– Сравнила! Из школы выходить нельзя только ученикам. И то, если они без пропуска. А запретка – она для всех. Независимо от пола и возраста...

– По мне, так что в лоб, что по лбу. Окей, тогда ждите меня. Я быстро, одна нога здесь, другая там. Не вздумайте без меня уплыть! – выкрикнула она уже на бегу.

Машка во весь дух понеслась к холмам. Вперед и вверх, навстречу загадочным звездочкам. Миг – и она скрылась из глаз.

– Во дает, – пробормотал кто-то вполголоса.

Ерофеев вскочил, стряхивая с пальцев остатки глины.

– Слушайте, вы как хотите, а я за ней. Мало ли чего...

– Тьфу, идиотка! – Сергей сплюнул. Взъерошил рукой огненную шевелюру. – И чего ей неймется! Так хорошо сидели! Постой, Сань, я тоже с тобой. – Встал, чмокнул Лерку в лоб, накинул на нее телогрейку, нагнулся и быстро-быстро зашептал Лерке что-то на ухо. Она в ответ понимающе закивала.

Остальные сидели у костра молча. Запретка – это вам не хухры-мухры.

* * *

Они шли быстро, торопясь и немного рисуясь друг перед другом. Дорога петляла, все круче и круче устремляясь вверх, к вершине холма. Машки по-прежнему не было нигде видно, хотя их не оставляла надежда, что вот-вот, за следующим поворотом, они наконец-то ее увидят.

Не могла ж она в самом деле уйти далеко за столь короткое время!

Они всё прибавляли и прибавляли шаг, приближаясь к заветной точке, где подъем наконец завершился и дорога устремлялась вниз так же резко, как до сих пор поднималась вверх. Уж сверху-то они Машку наверняка углядят!

Звездочки антенн согласно мигали им с высоты.

И вдруг с той стороны холма послышался выстрел.

Парни переглянулись и рванули вверх со всех ног.

* * *

Оба они дружно выдохнули, завидев издалека идущую им навстречу целую и невредимую Машку. Правда, ее конвоировали два каких-то придурка с автоматами, но это уже были мелочи. Главное, жива, а остальное приложится. Ну или отвалится, глядя по ситуации.

Сергей дернул Сашку за рукав, и они вдвоем нырнули в ближайшие кусты, откуда стали наблюдать за происходящим.

Одному конвоиру на вид было лет тринадцать, другой казался постарше, примерно их возраста.

Каждый знает, что на военку в восьмом классе отбирают самых тупых качков. Но эти вроде выглядели обычно. Парни как парни. Ну подстрижены под ноль, ну осанка, будто аршин проглотили. У младшего были круглые, как бы все время удивленные глаза и пухлые, совсем еще детские губы. Он без конца повторял: «Ну Андрей, ну не видела она ничего, не видела, ну вот чем хошь тебе поклянусь, не видела, ну вот хоть сам у нее спроси! Оттуда, где она стояла, вообще ничего увидеть нельзя! Вот сам встань туда и посмотри вниз!»

Однако чем горячее были уверения младшего, тем сильнее каменело лицо старшего с узкими, похожими на щелки, глазами. На щеках у него перекатывались желваки.

Наконец младший выдохся, и старший заговорил.

– Ты мне вот что скажи, – обратился он к младшему. – Ты мне лучше вот чего объясни. Как она вообще в той точке у тебя оказалась? Когда за сто метров от запретки приказано всех для разъяснений задерживать? Куда у тебя усы глядели? Опять ты с их помощью за птичками наблюдал? Или в этот раз за кроликами?

– За волками, – нехотя, хоть и с оттенком гордости, признался младший. – Они совсем близко подобрались. Километров десять отсюда, не больше. Не, ну мне ведь сказали – смотреть в оба и обо всем важном потом докладывать. А это разве не важное – волки? Нас, между прочим, в лес этот на ученья гоняют.

– Натуралист хренов! – выдохнул старший, замахаясь. Младший испуганно втянул голову в плечи. Но старший опустил руку, не ударив. – Говорил отцу, не надо бы тебе сюда вовсе! На биофак тебя надо готовить, в университет. Нет ведь, заладил: «В роду все военные, в роду все военные». Его разве переспоришь? Прислали на мою голову!

– Так а я разве просился? Вообще, кстати, когда меня сюда распределяли, оценки по биологии тоже учитывали. Поскольку военно-научный объект.

– Сам знаю, что объект! Сам знаю, что не просился! Но раз уж так случилось, распределили тебя, попал ты сюда – так ты служи обществу как следует! Вот что мне теперь с тобой делать?! Своими руками под трибунал отдать? А маме я потом что скажу?! На собачек он засмотрелся! Детский сад, штаны на лямках!

– Какие собачки?! Говорю тебе, волки!

– Да какая разница! И те псовые, и эти! Ладно, с тобой ясно. После поговорим! – Он обернулся к Машке: – Ну а ты кто такая? Будешь ты, наконец, отвечать? Ты откуда свалилась? На лодке приплыла или, может, тебя с парашютом скинули? Кто-нибудь еще с тобой есть?

Машка в ответ угрюмо молчала.

– Черт с тобой! Хочешь молчать – молчи! Подумаешь, партизанка хренова! Как сдам сейчас в комендатуру, вот ребята обрадуются! Знаешь, сколько они уже месяцев девок не видели? С тобой как с человеком, а ты!

У Машки в глазах плеснулся тоскливый ужас.

– Ага, вижу начало доходить, – довольно хмыкнул старший из конвоиров.

Сашка счел, что с него хватит, и дернул Серого в кустах за рукав.

– Так, – жарко зашептал он Сергею в самое ухо, – по команде три. Я беру на себя старшего, а ты пацана. Главное, сразу отобрать автоматы.

– А выйдет у нас? Они ж, небось, хоть и тощие, а накачанные и приемы всякие знают. Их же на военке, сам знаешь, как гоняют.

– Должно выйти! Они ж ничего такого не ждут. На счет раз...

– Раз-то раз, а только почему ты взрослого? Я тебя и выше, и в плечах шире.

– Господи! Ну хорошо, ты взрослого, а я пацана.

– Маша меня зовут. Не надо меня ни в какую комендатуру! Ну правда, что я вам сделала? Никого со мной нет, одна я здесь. Сбежала из школы и заблудилась. Ребят, отпустите меня, пожалуйста! Я честное-пречестное ничего там у вас не видела. Даже и не знаю, что там у вас видеть можно...

– Ты гляди! Запела! Дурочку-то из себя не строй! Заблудилась она, как же. Еще скажи, пешком сюда шла. Когда тут берегом вообще не пройдешь, топь сплошная после дождей. А лесом тем более... А, черт! Да что ж такое!

Спустя секунду оба конвоира валялись беспомощно на земле. Автоматы их были в руках у Сережи и Сашки, наставленные на прежних владельцев.

– Лицом вниз! Посмейте лишь шевельнуться!

Настала напряженная тишина. Никто не знал, что делать дальше.

Машка первая не выдержала и нервно хихикнула.

– Эй, слышь, как вас там... Вы там поосторожней, оружие-то ведь заряжено, – невнятно проговорил старший конвоир, обращаясь к земле.

– Саня, он нас учить вздумал! – возмутился Сергей. – Хватает же наглости! Лежишь себе – и сопи в три дырки!

– И буду учить! Вас же, дураков, жалко! Небось, оружия настоящего ни разу в руках не держали? Тем более чтоб на человека его наставлять. Ну вот ты, рыжий, представь – спляшет у тебя палец, убьешь меня ненароком – как жить-то после этого будешь?

– Фью, Серый, да он, оказывается, философ! – присвистнул Сашка. – А мы думали, простой солдафон.

– Слушайте, кончайте уже шутки шутить! Верните нам оружие, берите свою девку, и разбежались по-хорошему. Мы вас не видели, вы нас. Вы вообще соображаете, где находитесь? У нас тут супер-дупер секретный объект! Если нас всех здесь засекут, мало никому не покажется.

– Да какие тут шутки! – Сергей сплюнул под ноги и растер.

– Дико смешно, – поддержал его Сашка. – Особенно Машке пять минут назад было.

– Да черт с нею, с вашей Машкой! – взмолился младший. – Мы ее вообще только поугагать хотели! Чес-слово! Чтоб не лазила, где не надо. Скажи им, Андрей, ну что ты молчишь? Ведь если б мы ее сдавать вели, то совсем бы в другую сторону надо. Не верите, да?

– Окей, верим, – сдался неожиданно Ерофеев. – Тогда встали и валите отсюда! Только быстро и без глупостей.

Братья вскочили как по команде, разом, и каждый протянул руку за своим стволом.

Серый с Ерофеевым синхронно отступили назад и помотали головами.

Братья замерли в замешательстве.

– Ну, вы это, оружие-то отдайте.

Младший хлюпнул носом.

– У-тю-тю-тю. – Сергей покачал головой. – Так мы не договаривались. Вы себе, так уж и быть, ступайте, а игрушки ваши у нас останутся.

– Вы что, смеетесь?! – заорали братья наперебой. – Как это мы так без стволов вернемся?! Вы знаете, что нам за это сделают?!

– А у нас какие гарантии, что вы нам в спину не стрельнете, стоит нам повернуться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.